

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

ГАЛАКТИЧЕСКИЙ ВИХРЬ

ЭКСМО

Андрей Львович Ливадный
Галактический вихрь
Серия «Экспансия: История
Галактики», книга 25

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119406

Аннотация

Конфедерация Солнц, на протяжении тысячелетия объединявшая большинство миров Обитаемой Галактики, переживает кризис. Именно в этот сложный для человечества момент на исторической сцене внезапно появляется тень из прошлого, – искусственный интеллект, созданный три миллиона лет назад расой насекомоподобных существ, пробуждается от небытия вследствие боевых действий на скованном льдами спутнике планеты Эригон.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Часть 1.	11
ГЛАВА 1.	11
ГЛАВА 2.	22
ГЛАВА 3.	61
ГЛАВА 4.	74
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Андрей Ливадный

ГАЛАКТИЧЕСКИЙ ВИХРЬ

ПРОЛОГ

Три миллиона лет до нашей эры. Планета Земля – родина человечества. Раннее утро...

Гуги сидел на корточках у черного зева пещеры.

Утренний ветер слабо шевелил листву деревьев. Огромные руки обезьяночеловека, покрытые, как и все тело, черной шерстью, свободно доставали до земли, опираясь на холодный камень мощными кулаками.

Гуги был мечтателем. Он любил смотреть в небо.

Его взгляд замороженно скользил по темным небесам, где сплетались в хитрые узоры мириады ярких огоньков.

Он еще не мог осознать, что видит звезды. Просто его взгляд притягивала эта бездонная чернота. Часами Гуги смотрел на созвездия, которым его далекие потомки через миллионы лет дадут имена своих богов и героев.

Где-то неподалеку в настороженной предрассветной тишине вдруг раздался приглушенный рык. Затем последовали неясные звуки отчаянной борьбы, громко запричитала и захлопала крыльями потревоженная в своем гнезде птица.

Гуги привстал, одной рукой по-прежнему опираясь о землю. В другой он сжимал увесистый корявый сук, в расщепленный конец которого был надежно вставлен кусок обсидиана – вулканического стекла.

Из его груди вырвалось глухое, раздраженное рычание.

Внизу, у подножия скал, в утреннем сумраке блеснула пара желтых глаз, затрещали кусты, и кто-то огромный и грузный проломился сквозь них, унося с собой добычу.

Гуги знал, что опасность миновала, но он не был настолько добродушен и беспечен, чтобы вот так сразу успокоиться. Не выпуская из руки свое примитивное оружие, он еще некоторое время метался взад и вперед по обрывистому краю площадки перед пещерой, глухо и вызывающе ворча.

Потом, утомленный этими проявлениями воинственности, он для острастки пометил, помочившись, край ведущей вниз тропы и вновь сел, опустив руки между колен.

Взгляд, еще немного поблуждав по темным окрестным зарослям, опять вернулся к небу.

Из груди вырвалось рычание – глухое, раздраженное и озадаченное.

Среди привычной россыпи побледневших к утру точек, там, где они сбегались вместе, образуя узкую извилистую тропу, которая, как заметил Гуги, вела от одного края неба к другому, появилась еще одна яркая, очень яркая точка... Как будто там, в небесах, зажегся недобрый помаргивающий глаз хищного зверя.

Это было уже слишком...

Гуги встал, немного покружил по площадке, чувствуя неясное смятение. Потом прополз под низкий свод пещеры, с глухим ворчанием согнал с места молодого самца и устало лег.

На следующую ночь, когда он вновь взглянул на безоблачное небо, там уже не было никакого глаза.

* * *

Бездна пространства отделяла угасающую красную звезду от прародины человечества.

Когда Гуги наблюдал на ночном небе странную вспышку, источник света был мертв уже десять тысяч лет. Такова ирония галактических расстояний – световому потоку понадобилось именно столько времени, чтобы достичь Земли и зажечь в ее ночном небе яркий фантом.

Это не было катастрофической гелиевой вспышкой сверхновой звезды. Трагедия, разыгравшаяся в одном из участков Млечного Пути, носила рукотворный характер.

Та звезда, о которой идет речь, была недоступна визуальному обнаружению. Она была невидима во всех диапазонах, кроме инфракрасного, потому что старое солнце окружала циклопическая искусственная конструкция.

Потомки Гуги назовут такое сооружение сферой Дайсона

и теоретически докажут невозможность ее существования¹.

Человечество изобретет гиперсферный привод и пойдет по пути колонизации других звездных систем.

Галактику будут сотрясать катаклизмы и войны. Люди будут умирать и рождаться, осваивать новые планеты, любить, ненавидеть, созидать и разрушать...

А где-то совсем недалеко от границ Обитаемой Галактики, среди старого звездного скопления, пронумерованного в каталогах семизначной цифрой, будет сиять маленькое красное солнце, окруженное со всех сторон той конструкцией, в невозможность существования которой люди уверятся еще на заре освоения космического пространства...

Там, среди хаоса, разрушений и миллионнолетнего запустения будет жить отзвук той катастрофы, свет от которой видел наш далекий предок на первобытной Земле.

...

Когда еще не было звезд и планет, Вселенную уже населяли такие формы, которые современная наука, несомненно, обозначила бы термином «жизнь».

¹ Сфера Дайсона – 12 По поводу конструкции Сферы. – Предлагая в 1960 году свою гипотетическую Сферу, американский ученый Ф. Дайсон не рассматривал вопрос о ее конструкции и практической осуществимости. Позже появились работы по исследованию прочности такого сооружения. В. Д. Давыдовым было доказано, что в материальной Сфере, окружающей Солнце, действуют силы, неизбежно приводящие к ее разрушению. Русскому ученому Г. И. Покровскому удалось найти заведомо устойчивый вариант Сферы Дайсона, представляющий собой совокупность окружающих Солнце колец (так называемая Раковина Покровского).

Это был странный, изменчивый мир, пребывающий в стадии затянувшегося вселенского катаклизма. Протовещество, стремительно удаляясь от эпицентра Большого Взрыва, одновременно распадалось на элементарные частицы и образовывало гигантские пылевые облака, в которых постепенно начинали загораться первые звезды будущих разбегающихся галактик.

Как много позже в горячих первобытных океанах планет зародится органика, в этой пылевой среде так же зарождалась и эволюционировала первая жизнь. .

...Прошли миллиарды лет. Вселенная стабилизировалась, обрела формы метагалактик. Странные, совершенно не похожие на людей существа, пройдя путь развития под пухлыми шапками атмосфер своих планет, в конечном итоге сделали первый шаг в космос.

И узнали о том, что обречены.

На их пути стояли Предтечи.

Это не являлось конфликтом разумов. Загадочные образования, которых представители древних галактических рас считали низшими формами реликтовой космической жизни, не смогли развиваться в мыслящих существ. Их структура сочетала в себе материю и электромагнитные поля, а дрейф в пространстве напоминал вихрь. Как стихийное бедствие, двигались они от периферии Галактики к ее центру, пожирая на своем пути все доступное вещество. Как саранча уничтожает посевы, так и волна Предтеч уничтожала космическую

пыль, мелкие планетоиды и даже целые планетные системы. От них невозможно было бежать, и с ними нельзя было договориться. Древние цивилизации космоса со страхом и смятением наблюдали за приближением голодной неразумной орды...

Чтобы осмыслить картину разыгравшейся в пространстве трагедии, нужно, прежде всего, уяснить себе истинный размер и физическую природу такой конструкции, как сфера Дайсона.

Она представляла эллипсоид вращения, собранный из отдельных секций, внутри которого была заключена звезда. Таким образом, внутренняя поверхность Сферы (так, не взирая на несовпадение геометрических форм ее станут называть люди), в миллиарды раз превышающая площадь Земли, перехватывала все исходящие от звезды излучения. Существа, которые построили это техническое чудо, снабдили свой мир рельефом, а вращение вокруг оси симметрии со скоростью семьсот пятьдесят километров в секунду создало на ее внутренней поверхности искусственное тяготение, которое на экваторе почти равнялось земному, а ближе к полюсам слабело, постепенно сходя на нет. Перед полюсами были возведены кольцевые барьеры, предназначенные удерживать атмосферу в экваториальной части мира и отделять зону с нормальным тяготением от безвоздушных районов полюсов.

...Движение Галактического вихря было неотвратимо. Все попытки повернуть вспять катастрофическую миграцию

или хотя бы отклонить ее гибельный курс потерпели неудачу.

Световой фантом одной из таких разрушительных попыток и наблюдал спустя десять тысяч лет обитатель древней Земли...

Строители сферы были приговорены. Им оставалось лишь надеяться, что, может быть, кто-то из них сумеет пережить катастрофу... Последним отчаянным шагом с их стороны была попытка спасти искусственный Интеллект, созданный ими для управления сферой Дайсона...

Часть 1. КОНТАКТ.

ГЛАВА 1. ПРОБУЖДЕНИЕ.

*Система Эригон. Спутник третьей планеты – Луна L-17 по универсальному каталогу.
3727 год Галактического календаря...*

Он просыпался, и это было мучительно.

Ощущение самого себя – то, что называется самосознанием, – не вернулось к нему внезапно, как вспышка света или резкий звук...

Нет... Процесс был стихийным, мучительным и долгим.

Быть может, в реальном времени прошли годы, а то и десятилетия, прежде чем погребенный под многокилометровой толщей льда Интеллект собрал блуждающие по его кристаллическим сегментам слабые световые потоки в первую осознанную мысль...

Функционировала далекая периферия...

Центральный процессор Интеллекта занимал собой естественную полость, образовавшуюся в коре планеты еще при

ее формировании. Искусственно расширенная пещера, над которой миллионы лет назад плескалось теплое море, а сейчас располагался необъятный ледник, тонула во мраке. Посреди нее пролегал тусклый желоб, подле застыл прозрачный десятиметровый кокон, доверху заполненный серыми кристаллами, внутри которых когда-то струились мощные световые потоки, а сейчас блуждали робкие голубые огоньки.

Интеллект был один.

Еще не окончательно осознав факт собственной реанимации, он уже был твердо уверен в этом...

Миллионы лет канули в черную бесконечность. Волна неумолимого уничтожения стерла с лица Вселенной создавший его народ.

Предтечи победили...

Горечь поражения напоминала далекую, давно забытую боль.

* * *

...Интеллект не задавался вопросом, что пробудило его от миллионолетней комы.

Его память была полна страшными травматическими воспоминаниями, которые поначалу затмевали все остальное, заставляя запертый в темной пещере, отрезанный от реальности кристаллический мозг вновь и вновь переживать те последние часы, которые предшествовали окончательному

краху...

Он видел, как бесноватые орды голодных Предтеч волна за волной окатывали огромные площади сферы, сметая защитные сооружения, круша тонкие, точно выверенные балансировочные механизмы, проедавая глубокие безобразные борозды в материале обшивки...

Их рефлекторная, животная ярость была страшна и отвратительна.

Он с убийственной очевидностью понял, что битва проиграна и даже он бессилён остановить этот напор. Его создатели были обречены. Никакие защитные сооружения, никакое оружие не могли остановить голодных космических хищников, которые раз за разом проникали все глубже, выедавая целые тонны вещества с поверхности созданного титаническими усилиями цивилизации убежища.

Потом нити управления сферой начали обрываться одна за другой. Интеллект, созданный для того, чтобы управлять циклопическим сооружением, терял свои основные функции. Вся его оперативная периферия рушилась.

Это была агония. Он умирал вместе со сферой и населяющими ее существами.

Наверное, именно в эти страшные минуты внутри кристаллического мозга, функционировавшего на основе фотонного процессора, родились элементы самосознания. Все связующие нити с внешним миром были оборваны, и он – огромная машина с невероятным быстродействием – внезапно

но оказался не у дел. Он продолжал мыслить с такой скоростью, что самые совершенные компьютеры людей в сравнении с ним выглядели не более чем примитивными арифмометрами.

Он не знал, что полное отключение всей периферии было связано с отчаянной попыткой спасти его центральную часть. Существа, построившие Интеллект, прекрасно понимали, что только он способен восстановить сферу, после того как схлынет волна Предтеч. Его матрицы спешно демонтировали и грузили в космический корабль, но центральный процессор не был отключен. Он продолжал мыслить, замкнутый сам на себя и предоставленный самому себе...

Он мыслил, пока внутри его тек свет. Потом свет угас, когда иссякли источники питания, и Интеллект отключился.

Последняя его мысль была о том, что даже ему не удалось пережить волну Предтеч...

Интеллект не знал, что его успели переместить в один из тайных схронов, оборудованный в недрах безымянного планетоида.

Однако информация о нем хранилась в блоках постоянной памяти, и Интеллект узнал это место, когда очнулся спустя несколько миллионов лет.

Злая ирония его судьбы заключалась в том, что он оказался в положении калеки. Кто бы ни доставил его сюда – он не справился со своей задачей до конца. Центральный процессор Интеллекта был собран, наполненные кристалла-

ми прозрачные сегменты оказались плотно пригнаны друг к другу в правильном порядке, вокруг, подключенная к органам управления космического корабля, раскинулась его оперативная периферия, но связь между ней и процессором отсутствовала. Работали основная память и несколько сканирующих блоков, посредством которых он ясно воспринимал электромагнитные волны искусственного происхождения. Причем источник сигналов находился совсем близко, где-то в пределах той самой планеты, в недрах которой оказался заперт Интеллект.

Ему оставалось только одно – анализировать эти волны, теряясь в догадках во мраке подземелья, и ждать. Если что-то пробудило его, пустив гулять по кристаллам процессора робкий лучик света, то рано или поздно все повторится опять, и тогда он уже не упустит шанса полностью восстановить свои функции.

Снедаемый сомнениями, Интеллект понимал, что пойманные им волны не принадлежат ни одному из его периферийных устройств. Они не имели никакого отношения ни к его народу, ни к Предтечам.

Шел 3727 год Галактического календаря.

Планета, на орбите которой кружила покрытая ледовым панцирем луна, где оказался замурован Интеллект, называлась Эригон, и была она колонизирована людьми тысячу двести лет назад.

К тому же на ней назревали крупные неприятности, и слу-

чайное пробуждение Интеллекта было связано именно с ними.

* * *

*Борт космического фрегата «Зевс». Сектор Эригона.
3727 год Галактического календаря.*

– Ну что, Клаус, какие новости? – Доминик фон Риттер оторвал взгляд от кружки крепкого эригонского пива и взглянул на вошедшего в бар Миллера.

Капитан уселся напротив, жестом показав бармену, что тоже желает выпить.

– На днях полетим, – сообщил он.

– Меня берешь? – вскинул бровь Доминик.

– Да. – Клаус протянул руку, забрав со стойки свое пиво. – Нужно подобрать десять человек из твоего взвода. Остальных я распределяю сам.

– А почему не весь мой отряд?

– Не пройдет, – лаконично ответил Клаус. – Нужны только профи. А у тебя их десять. Обязательно включи в группу обоих снайперов. Боевые костюмы по автономному варианту. Те, что без знаков различия.

Лейтенант фон Риттер отодвинул свою кружку и облокотился о стойку.

– Опять без орбитальной поддержки... – угрюмо вздохнул

он, сделав очевидный вывод из слов командира. – Сбросят, как паршивых котят, в заведомое дерьмо. «И если вы провалите миссию...» – передразнил он гнусавый голос командира «Зевса» адмирала Кончини.

Клаус сделал большой глоток пива и закурил, вполуха слушая лейтенанта. Болтовня фон Риттера, возможно, и не отличалась эстетизмом, но суть вещей он улавливал верно.

К сожалению, в этом столетии Эригон переживал не лучшие времена.

В начале тридцать восьмого века начался политический упадок и постепенный развал Конфедерации Солнц.

Такова историческая участь всех крупных конфедеративных образований, – достигнув апогея своего могущества, союз старых колоний, составлявший некогда ядро внеземной цивилизации, начал постепенно разрушаться, в то время как на бывшей Окраине окрепли молодые и энергичные сообщества. Старая, во многом догматичная и консервативная Конфедерация год от года ветшала, и молодые промышленные гиганты все чаще поглядывали в ее сторону, явно мечтая о переделе сфер влияния и рынков сбыта.

Интересы Конфедерации и Окраины особенно остро пересекались в секторе Эригона, который, по историческому определению, не принадлежал ни к одной из сторон, но их молчаливое противостояние двух сил и больше начинало походить на две половинки гигантских тисков, медленно сжимавших определенный участок пространства. С одной сто-

роны были Совет Безопасности миров и Звездный Патруль – инструменты официальной доктрины всеобщего равенства, планетных суверенитетов и защиты прав разумных существ, а с другой – личные интересы отдельных планет и корпоративных альянсов Окраины, еще не решившихся на открытое противостояние, но уже готовых столкнуть опасную лавину событий...

– Доминик, подготовь ребят как следует, – проговорил Клаус, погасив окурок. – Кончины темнит, – поделился он своими предчувствиями. – Цель миссии пока не ясна, но ты прав – работать будем без орбитальной поддержки, а главное – без межпланетных санкций... Он дал мне понять, что возникли осложнения с правительством Эригона. Короче, адмирал хочет слезть с елки, не ободрав задницы... – заключил он.

Физиономия фон Риттера помрачнела.

– Грязная работа? – нахмурившись, спросил он.

– Нет... Не думаю, – успокоил его капитан. – Адмирал слишком любит свою карьеру, чтобы лезть в темные дела. Просто у него есть определенная информация, полученная по неофициальным каналам, подтвердить которую нам предстоит уже в ходе миссии. Если все сложится, то будут и санкции, и поддержка.

– А если нет?

– Как обычно... – пожал плечами Клаус. – На то ты и «скарм», Доминик, – напомнил он.

Этому диалогу двух офицеров предшествовал другой, более лаконичный разговор, состоявшийся между адмиралом Кончини и неким таинственным абонентом.

Вызов пришел через глобальную межпланетную компьютерную сеть. Человек на том конце связи даже не подозревал, что общается с командиром боевого соединения Патруля. Для него это был обычный виртуальный адрес, куда он время от времени высылал информацию, в обмен на которую на его счет в банке аккуратно поступали гонорары.

Получив вызов, адмирал Кончини уселся перед терминалом компьютера, жестом отпустив топтавшегося в каюте адъютанта.

Дождавшись, пока за младшим офицером закроется дверь, он коснулся сенсора, позволив системе доступа проанализировать код ДНК.

Экран просветлел, и на нем появились скупые строки сообщения:

«Информация подтвердилась. Груз на месте. Адрес: Луна-17, старая подледная база, третий нежилой уровень. Время неизвестно».

Кончини ответил несколькими ничего не значащими фразами и в задумчивости потер подбородок.

В его карьере назревал крутой перелом.

Адмирала вдруг залихорадило. Он встал, подошел к вмонтированному в переборку мини-бару и плеснул себе выпить. Еще ничего не случилось, а руки уже дрожали.

Только что полученная им информация имела огромное значение. Груз, про который шла речь, был не чем иным, как трехсекционной аннигиляционной установкой «Свет».

Фрегат «Зевс» патрулировал сектор планеты Эригон, который, вследствие молчаливого противостояния Конфедерации и Окраины, был в данный момент одним из самых напряженных участков космического пространства. В этом ключе переоценить важность только что полученного сообщения было невозможно. Мощнейшее оружие, способное превратить планету в огненный пузырь всего за несколько минут, было тайно доставлено на заброшенные горизонты подледной базы ее единственного спутника. Это было идеальное место для нанесения удара по Эригону. Несколько точечных уколов аннигилирующего луча, и охваченная паникой планета выполнит любые продиктованные ей условия.

Несомненно, это был заговор.

Кончини залпом опорожнил стакан и налил себе еще.

Оставалось решить, как распорядиться этой бесценной, но, увы, неподтвержденной информацией. Сообщить о ней президенту Эригона Эрику Эмолайнену? Послать доклад в Совет Безопасности миров? Или взять все на себя?

От рассмотрения последнего варианта Кончини бросило в пот. Адмирал, раскрывший заговор против целой планеты!..

Об этом стоило подумать. Успех одной скоротечной операции мог вознести его на вершины галактического олимпа.

Кончини все больше и больше склонялся к этой соблазнительной мысли. Действительно, отдай он эти сведения президенту Эригона, в лучшем случае получит в ответ слова благодарности и хмурый взгляд со стороны начальства. Если же поступит наоборот, то скорее всего лавры присвоит себе кто-то другой.

Нет... Упустить такой шанс было бы чистой воды безумием.

Он должен сделать все сам.

– Пришлите ко мне капитана Клауса Миллера, – распорядился он в интерком, приняв тем самым окончательное решение.

О том, что задуманная им операция выглядела как грубая агрессия и нарушение планетного суверенитета, Кончини предпочел не вспоминать. Информация достоверна – в этом он был уверен. А когда он получит доказательства готовящегося на Луне-17 чудовищного злодеяния, президенту Эмолайнену не останется ничего, кроме как выдать ему соответствующие санкции задним числом.

Как говорится, победителей не судят...

ГЛАВА 2. ПРЕВЕНТИВНЫЙ УДАР.

Луна L-17, спутник планеты Эригон. 3727 год Галактического календаря.

...Интеллект, замурованный под толщей льда, который миллионы лет назад был океаном теплой планеты, постепенно приходил в себя.

Из имевшихся в его распоряжении крох информации он сделал два очень важных для себя вывода.

Во-первых, тотальное оледенение планеты было следствием внезапного изменения ее орбиты. В этом скорее всего был повинен тот самый гиперпространственный прыжок, который привел его транспортный корабль-капсулу в эту самую пещеру.

Во-вторых, он понял, что своим внезапным пробуждением он был обязан неким двуногим существом, проложившим в толще льда наклонный тоннель, протянувшийся в сотне метров от места его невольного заключения.

Тот факт, что этот самый тоннель был освещен и свет из него, проникая сквозь прозрачный лед и такую же прозрачную скорлупу корабля-капсулы, оказался достаточно ярким, чтобы, преломившись в полупрозрачных кристаллах, вновь вдохнуть в него жизнь, сначала удивил, а затем испугал Ин-

теллект.

Они не были похожи ни на одну из четырех известных ему разумных биологических форм. По строению своего тела эти существа ближе всего подходили к инсектам, но они никак не могли быть их потомками, потому как свободно разгуливали в толще льда. Ни один инсект не прожил бы тут и дня.

Он начинал ощущать дискомфорт от множества накопившихся вопросов и явной беспомощности своего положения. Интеллект медленно приходил в себя, жадно впитывая исходящий из наклонного тоннеля свет и пытаясь осмыслить ту бездну времени, что лежала между сегодняшним днем и тем прошлым, которое он помнил.

А электромагнитные волны, транслируемые орбитальными спутниками двуногих существ, неслись в пространстве, и их обрывки, которым удавалось пробиться сквозь толщу льда, произвольно записывались кристаллическим мозгом.

Он оживал. И настало время, когда ему пришлось обратить пристальное внимание на эти самые сигналы, научиться прочитывать их, ибо он начал понимать, что прошлое безвозвратно кануло в Лету и теперь в Галактике господствуют именно эти маленькие двуногие существа.

От того, как он сумеет понять их психологию и мировоззрение, зависело будущее Интеллекта.

Над ледовой поверхностью крупной луны, имевшей собственную, хотя и сильно разреженную, но пригодную для дыхания человека атмосферу, холодный пронзительный ветер стлал поземку.

Здесь даже присутствовала жизнь. По белесой равнине под напором ветра катились крупные шипастые шары. Мхи и лишайники лепились к выступам ледяных торосов с подветренной стороны.

– Еще одна проклятая дыра в моем списке...

Голос Доминика, приглушенный аудиосистемой коммуникатора, все равно звучал необычайно резко. Клаус поморщился, уменьшив звук. Фон Риттер нервничал, и это уже само по себе было неплохо. Когда он начинает психовать и озираться, это значит, что ни одна мышь не проскочит мимо него незамеченной.

Клаус повел головой, и унылый ландшафт планеты, спроецированный на внутренний дисплей гермошлема, лениво пополз перед его глазами. Голубовато-серая равнина, освещенная тусклым, почти призрачным желтым светом, наводила жуть.

...Групповой корабль высадки пять минут назад исчез среди унылой пурги, и на душе у Доминика было мутно. Так всегда бывает сразу после выброски в незнакомый

мир, когда, несмотря на шумное успокаивающее дыхание, наваливается чувство глобального одиночества и отчужденности, словно ты один во всей Вселенной и нет ни пути назад, ни твердого локтя рядом – вообще ничего, кроме враждебной серой мглы, стелящейся по земле метели и неизвестности.

Армейские медики очень точно называли такие приступы «орбитальным синдромом». Десантник привыкает к тому, что на орбите его всегда ждут огневая поддержка, группы подбора, штурмовики прикрытия, а голос далекого координатора, сидящего в уютной тактической рубке, успокаивает не хуже боевых транквилизаторов...

Фон Риттер сглотнул сухой ком, вставший в горле.

Подразделение «Скарм» тем и отличалось от других, что было способно действовать в режиме полной автономии, но в данный момент Доминик, перестраивая свою группу из десяти человек, нервно подумал, что иногда лучше быть откровенным рядовым лохом и иметь над головой надежную «крышу» из штурмовиков, чем в одиночестве демонстрировать собственную крутость неизвестно кому...

– Лейтенант, как дела? – Голос Клауса прервал его мысли, резанув по натянутым нервам, вернул в реальность чуждого мира.

– Порядок, командир. Мои ребята готовы...

Боковым зрением Клаус видел, как массивная фигура фон Риттера сделала несколько шагов, пробуя лед на прочность,

прежде чем поставить ногу. Судя по некоторым характерным признакам, сканеры его боевого скафандра работали на полную мощность.

– Ничего интересного, – спустя секунду сообщил он. – Чисто.

– Не говори «гоп»... – Клаус вызвал на оперативный дисплей карту окрестностей. – Включи каналы телеметрии, – приказал он.

Доминик коснулся кончиком языка нужного сенсора на миниатюрном пульте управления, смонтированном внутри гермошлема, и полупрозрачное забрало, представляющее собой сложный жидкокристаллический экран, соединенный с микропроцессором боевого скафандра, тут же разделилось на два оперативных окна. На правом по-прежнему транслировалась угрюмая картинка окружающего мира, а на левом появилась рельефная карта местности.

Клаус тем временем повернулся, придирчиво отсканировал расположение бойцов, но его приборы не показали ничего, кроме разбросанных тут и там наполовину занесенных поземкой бугорков. То, что это были спины солдат, закованных в мимикрирующую ² под окружающий ландшафт фототропную броню, мог догадаться только специалист, и то лишь приблизившись на несколько метров.

Удовлетворенный осмотром, Клаус переключился на ка-

² мимикрия – способность некоторых животных и растений менять защитную окраску в зависимости от фона окружающей местности.

нал общей связи.

– Внимание! – сухо проговорил он в коммуникатор своего шлема. – Объявляю цель операции. В двадцати километрах отсюда расположена старая база. Десять горизонтов, вырубленных в леднике. Основные помещения изолированы изнутри специальным термопластиком, что позволяет предохранить массу окружающего льда от подтаивания. Все вспомогательные, мало эксплуатируемые штреки и временные горизонты просто вырублены во льду и лишены всякой термоизоляции. Для нашей операции этот факт имеет серьезное значение, потому как часть базы отдана правительством Эригона под Центр по исследованию низких температур и является стационарным подледным поселением. Там живут около тысячи человек, в основном ученые, обслуживающий персонал и их семьи. – Он выдержал паузу и продолжил:

– Нас интересуют три старых заброшенных горизонта, расположенные ниже и чуть севернее основного поселения. По оперативным данным, эти уровни в течение последнего времени использовались наемной террористической организацией для подготовки государственного переворота на Эригоне. В данный момент туда доставлены три автономных модуля аннигиляционной установки «Свет», которые, по некоторым данным, уже подключены к источнику питания и смонтированы в батарею.

Ответом на эту информацию была гробовая тишина. Бойцы ждали дальнейших инструкций.

Клаус отсканировал горизонт, убедился, что вокруг них все по-прежнему чисто, и продолжил:

– Наемники планируют нанести точечный удар из аннигиляторов по столице Эригона. Наша задача – предотвратить эту акцию и захватить установку. Операция осложняется тем, что комплекс «Свет» уже подключен к питанию. Поэтому атака сверху и последовательный захват горизонтов исключены. Почувствовав, что их загнали в угол, террористы досрочно задействуют установку, и тогда на Эригоне возникнут большие неприятности. Именно поэтому выбор пал на наше подразделение. – При этих словах Клаус криво усмехнулся и продолжил: – Мы пройдем наклонный тоннель, который выйдет на третьем нежилом уровне, в районе размещения аннигиляционной батареи. После захвата и деактивации установки нужно будет продержаться еще около часа до прибытия штурмовых групп с «Зевса». Все тактические данные по структуре горизонтов подледной базы уже заложены в компьютеры ваших скафандров. Файл 1-74-12. Пароль для доступа – буквенное сочетание «ТРЕНГ». Вопросы?

Доминик фон Риттер мысленно сложил длинное ругательство, но это было слабое утешение перед той перспективой, что так доверительно и спокойно обрисовал командир.

Просто взять и влезть в самую охраняемую и труднодоступную точку осинового гнезда, порешив по дороге столько профессиональных наемников, сколько того потребуют обстоятельства, а потом... Доминик скривился, отпустив оче-

редное мысленное ругательство... О «потом» сейчас лучше не думать.

– Принято, – негромко ответил он. – Насколько я понимаю, тяжелое оружие можно исключить?

– Да, – спокойно ответил Клаус. – Никаких ОРКов³, только штатное стрелковое вооружение. Широкоапетурное лучевое оружие тоже... – напомнил он, зная, что в некоторых ситуациях Доминика нужно инструктировать буквально. – Под запретом все оружие, применение которого может вызвать критические смещения пластов льда и его массовое таяние. Не забывайте – в километре от нас будет расположено действующее подледное поселение.

– Принято... – машинально повторил Доминик. – Поехали, что ли?

Вместо ответа двухметровая фигура Клауса, закованная в камуфлирующую броню, повернулась и размашистым шагом начала уходить влево.

На рельефной карте фон Риттера тотчас же возникла россыпь маленьких зеленых точек. Он определил направление, развернулся и включил сервомоторы скафандра.

– Взвод, за мной! – проговорил он, делая первый шаг.

На ледовой равнине в радиусе трехсот метров часть снежных наносов внезапно пришла в движение. Двухметровые бронированные фигуры с тихим присвистом сервоприводов вырастали из-под снега, перестраиваясь в боевой порядок.

³ ОРК – орудийно-ракетный комплекс.

С легким жужжанием задвигались механические части внешнего экоскелета, помогая фон Риттеру сдвинуть с места полтонны навешенной на него экипировки и брони. Лейтенант вскарабкался на ледовый откос, на мгновение застыл и, наконец, двинулся в заданном направлении, слегка раскачиваясь и постепенно набирая скорость...

* * *

Электромагнитные передачи двуногих, называвших себя людьми, достаточно легко поддались расшифровке. К сожалению, Интеллект, похороненный под километрами льда, мог воспринимать лишь обрывки, слабые отголоски спутниковых программ. Некоторое время он накапливал информацию, учился языку, пониманию видеообразов и постепенно складывал для себя общую картину того, что люди понимали под словом «жизнь».

Наибольший объем информации ему давало телевидение. Следующим важным источником оказалась случайно принятая им эфирная перекачка информации из одной библиотеки на спутник для ее последующей записи на кристаллодиски какого-то космического корабля. Затем шли радиопередачи, частные переговоры и некоторое количество чисто технической информации, изредка появлявшейся в эфире.

Но был еще один существенный источник наиболее сильных и близких сигналов. Это были радиопереговоры той

группы людей, что проложила наклонный тоннель, свет из которого продолжал подпитывать фотонный процессор Интеллекта.

По мере того как он накапливал внутри себя заблудившиеся в хитросплетении его кристаллов световые потоки, оживали все новые и новые сопроцессорные участки его спирали. Огромный фотонный мозг больше не чувствовал себя полумертвым, но ощущение ущербности сохранил – вся проснувшаяся в нем виртуальная мощь оказалась неостребованной.

Его создали, чтобы он управлял Сферой. Но Сферы не было. Даже собственная оперативная периферия оказалась для него такой же недоступной, как и любая из соседних галактик. Он ясно различал в полумраке пещеры контуры прозрачной оболочки космического корабля, видел стартовый желоб стационарной гиперпространственной установки, над конструкцией которой, как и над ним самим, не было властно время. Гиперсферный тоннель, связывающий этот схрон с покинутой Сферой, по-прежнему существовал, но он не мог воспользоваться им без посторонней помощи...

Ему был необходим Носитель.

Эта мысль, родившаяся одной из первых, разбудила в нем сложные и противоречивые процессы.

Интеллект проанализировал свое состояние и понял, что схема его логического восприятия изменилась. Она не была нарушена – все матричные кристаллы находились на своих

местах, – изменения произошли не на физическом, а на виртуальном, программном уровне.

Он больше не являлся мертвой, рациональной машиной. В момент катастрофы, когда все основные функции уже были утрачены, Интеллект должен был прекратить свое существование, превратившись в конструкцию из холодных кристаллов. Однако этого не произошло. Сейчас даже он не мог определить, какая совокупность программ дала такой результат.

Родившееся в тот страшный миг осознание самого себя не позволило ему тихо сойти со сцены.

Он мыслил. Вне Сферы, вне своего предназначения. И этот процесс стихийно нарастал, с каждой наносекундой затрагивая все новые и новые участки кристаллического мозга. Его невероятно сложная структура требовала самоорганизации.

Интеллект не мог сопротивляться этому процессу, даже если бы захотел. Он уже стал существом, еще не понимая сути произошедших в нем перемен. Как брошенный в воду новорожденный щенок вдруг начинает плыть, бессознательно реализует заложенный в нем потенциал выживания, так и он инстинктивно выжил, обретя способ мыслить вне своих основных функций...

Первыми чувствами, которые он обрел, были одиночество и страх.

Интеллект боялся тех существ, что, сами того не ведая,

разбудили его от многовекового сна.

Пытаясь опровергнуть это иррациональное, разрушительное ощущение, он обратился к тем крохам информации, что успел собрать за время своего неторопливого возвращения в мир.

В основном это были группы видеообразов, которые орбитальный спутник посылал на поверхность оледеневшей луны.

Сам того не ведая, кристаллический мозг стал незаконным абонентом развлекательного канала весьма низкого качества.

Обработка полученной со спутника информации только усугубила положение.

Чем больше он смотрел различных фильмов, тем глубже закрадывался в него страх.

Космос принадлежал чудовищам... Они убивали, откровенно наслаждаясь кровавыми сценами мучений себе подобных, и все остальное блекло перед этим отвратительным извращением разума, и никакие гуманистические потуги не могли перекинуть мостик через ту бездну, которая разверзлась перед ошеломленным Интеллектом...

* * *

Луна-17. Окрестности подледной базы Центра по исследованию низких температур...

– Снайпера – вперед!

Наклонный тоннель, проложенный саперами Доминика, упирался в тонкую перегородку из мутного зеленого льда. Рядом с ней, припав на одно колено, застыли два бойца. Стволы их импульсных винтовок были направлены в сторону преграды.

Клаус подошел к переносному тактическому пульту, установленному прямо на льду. Вытянув из своего гермошлема тонкий кабель с разъемом на конце, он вставил его в гнездо, соединившись со сканерами, внедренными в ледовую перегородку.

Экран его шлема спроецировал контур пустого коридора, развилку, у которой ровным квадратом было уложено что-то темное, и пульсирующие силуэты двух человек. Один из них сидел, очевидно, за столом, второй прохаживался рядом с прямоугольным сооружением.

– Что это за квадрат? – негромко спросил Клаус у сидящего за пультом компьютерного техника.

– Стандартный бронепластиковый бастион, капитан, – ответил тот. – Внутри за бойницами установлена крупнокалиберная автоматическая турель.

– Управление дистанционное?

– Нет, – покачал головой техник. – Скорее всего стандартная схема опознавания по радиосигналу «Я свой».

– Фрайг!..

Клаус отсоединил разъем и жестом показал Доминику, чтобы тот переключился на личный канал.

– Тихо войти не удастся, – проговорил он, услышав характерный щелчок в своем коммуникаторе. – Наши данные по их системам внутренней обороны, видимо, устарели. Будем прорываться с боем, – заключил Клаус.

Фон Риттер кивнул, полностью соглашаясь с мнением командира. Топтание на месте у ледовой перегородки уже начинало действовать ему на нервы. Когда предстоял бой, он предпочитал не тянуть волынку.

– Рванем? – полуутвердительно проговорил он.

– Давай, – согласился Клаус. – Отсюда до комплекса – двести метров. Это двадцать секунд бегом. По пути две развилки, не включая эту. Значит, по тридцать секунд задержки у каждого из бастионов.

Закончив свой нехитрый подсчет, Клаус что-то прикинул в уме и объявил:

– Через две минуты максимум ты со своими людьми должен отсечь верхние горизонты, понял? Будешь удерживать оборону, пока я не обезврежу установку. Без моей команды ни шагу вниз, но, как только я выйду на связь, рви оттуда. Лишние жертвы нам не нужны. Дождаться ребят с «Зевса» будем там, где легче обороняться. Вопросы?

– Заметано, командир.

Фон Риттер развернулся к ледовой перегородке, из которой уже вынули сканеры и в проделанные для них отверстия,

как в амбразуры, снайпера вставили стволы своих импульсных винтовок.

– За работу, парни, – не разжимая зубов, процедил Доминик.

Два негромких хлопка сопровождались двумя вскриками в коридоре базы, и буквально через секунду ледовую перегородку с оглушительным грохотом смело ураганным огнем автоматической турели, ударившей из бастиона.

Не успели все осколки отбарабанить по стенам, а лейтенант уже метнулся в пролом. Вслед за ним короткими перебежками попарно рванули бойцы его группы.

Клаус, пристроившись у стены, медленно отсчитывал секунды в такт ударам своего сердца. В узком коридоре бесновался шквальный огонь, такой горячий и плотный, что инфракрасные сканеры его скафандра автоматически отключились, не в состоянии обработать все полученные сигналы.

Девять... Десять... Одиннадцать...

Секунды боя порой могут быть приравнены к годам жизни – этот парадокс Клаус не раз испытал на собственном сознании... Самое тяжелое в скоротечном бою – это торчать за стеной и отсчитывать удары собственного сердца.

Автоматическая турель заткнулась на пятнадцатом... Клаус непроизвольно вздохнул. Доминик фон Риттер хорошо знал свое дело.

– Вперед! – коротко приказал он пятерым бойцам группы захвата, выскакивая в проход.

Сразу за оплавленным бастионом, над пластиковым бруствером которого застыли два покосившихся, опустивших стволы автоматических орудия, тоннель раздваивался.

Группа фон Риттера ушла вверх, Клаус же повернул к нижнему тоннелю.

Фактор внезапности все еще действовал. Когда они выскочили на следующую развилку, двое часовых стояли возле укрепления и, задрвав головы, напряженно вслушивались в доносившийся сверху гул.

Увидев возникшие в проеме тоннеля фигуры в керамлитовой броне и направленные на них стволы импульсных винтовок, они, совершенно ошарашенные таким стечением обстоятельств, безропотно подняли руки, даже не попытавшись задействовать автоматику бастиона. Оба понимали, что первыми окажутся на линии огня.

Клаус взглянул на таймер и мысленно выругался. Возиться с пленными было некогда.

– Эрик, – проговорил он в коммуникатор, – возьми их и запри внутри бастиона. Потом догонишь.

Один из бойцов его группы выступил вперед, указав стволом импульсной винтовки на узкий вход в металлопластиковое укрепление.

Оба пленные поняли его без слов, но Клаус уже не видел,

как они со скорбным выражением на лицах прошествовали внутрь огневой точки, – в это время он уже удалился от развилки метров на пятьдесят.

Сразу за поворотом тоннеля был расположен небольшой, вырубленный во льду зал. Тут не было ни души. Одну стену помещения покрывали недавно установленные бронеплиты, среди которых четко выделялся овал внушительного люка.

Не останавливаясь, Клаус побежал прямо на преграду, на ходу задействовав оба плечевых орудия.

Снаряды впились в толстую броню, покрыв ее вспышками разрывов, и каждый, словно пиранья, выхватывал несколько кубических дециметров металла, уродуя люк, ломая арматуру каркаса и подрубая опоры.

– Заменить! – крикнул он, отскакивая в сторону, когда оба установленных на плечах бронескафандра орудия вхолостую щелкнули затворами.

Пока автоматика меняла боевомплект, его бойцы один за другим повторили действия командира. Наконец массивный люк не выдержал, и очередным снарядом его вышибло внутрь, открыв в стене широкий дымящийся проход.

Первым в смежный зал ворвался сержант Зотов.

– Включить видеокамеры! – услышал он в коммуникаторе голос командира. – Не стрелять!

Перекатившись на правый бок, он припал на одно колено, укрывшись за каким-то блоком аппаратуры, и исполнил приказ, включив видеозапись.

В глубинах обширного зала, имевшего, в отличие от предыдущих помещений, свежую облицовку стен, пола и потолка, высились цилиндрические установки, от которых вверх уходил толстенный, покрытый вздутиями, оплетенный связками кабелей и труб ствол аннигиляционного излучателя. Чуть поодаль были смонтированы пульта управления, на которых светились контрольные экраны и весело перемигивались датчики.

Несколько операторов, сидевшие в креслах за пультами, вскочили со своих мест, затравленно озираясь.

В покореженном проеме показалась бронированная фигура Клауса.

– Я командир спецподразделения «Скарм» Звездного Патруля Совета Безопасности Миров, – не останавливаясь, сообщил он через громкоговорящую связь своего скафандра. – Предлагаю всем сдаться, передать коды управления установкой и дать добровольные показания. Вы обвиняетесь в нарушении статей 2549 и 1745 Кодекса Безопасности миров...

Его речь была прервана жидким залпом импульсного оружия со стороны аккуратно сложенных в углу зала контейнеров.

Снаряды словно огненный вихрь прошлись по броне скафандра, с воем рикошета от ромбовидных бронепластин. Фигура Клауса качнулась, в сторону отлетели несколько кусков брони и подрубленная выстрелом антенна.

– Огонь! – скомандовал он.

Через минуту все было кончено. Посреди зала подле пульта управления, закрыв голову руками, скорчились два оператора, с самого начала не принимавшие участия в перестрелке. Один из них, заслышав приближающийся вой сервомоторов, внезапно вскочил на ноги и с воплем бросился на ближайшего к нему бойца из группы «скармов».

Полыхнул ослепительный взрыв, погнувший нагрудные бронепластины скафандра; бойца опрокинуло, резанув осколками по забралу шлема.

Когда рассеялся дым, на полу остался лишь влажный отпечаток сумасшедшего шахида. Сержант Зотов уже был на ногах и с помощью товарищей пытался высвободиться из покоруженного взрывом бронескафандра. Последний оставшийся в живых оператор, закрывая руками контуженую голову, полз по скользкому полу в животном желании забиться в какую-нибудь щель.

Пульты управления аннигиляционной установкой уже не сияли контрольными огнями, а печально взирали на мир пустыми глазницами выбитых экранов. Посеченные осколками трубопроводы и кабели плевались паром и искрами.

Клаус обвел взглядом развороченный зал, стараясь, чтобы в фокус укрепленной на шлеме видеокамеры попали прежде всего характерные цилиндрические накопители аннигиляционной установки и внушительный ствол ее излучателя, уходящий в потолок и явно оканчивающийся где-то на по-

верхности луны.

– Пять часов семнадцать минут по местному времени, восьмое июня 3727 года, – проговорил он в микрофон шлема. – Приступаю к деактивации установки «Свет»...

* * *

Борт космического фрегата «Зевс». Пять часов тридцать минут по времени Эригона...

Адмирал Кончини нервно мерил шагами тесный отсек координационной службы. Усидеть на месте в эти минуты оказалось выше его сил.

Полковник Иващенко – главный координатор «Зевса», прищурясь, смотрел на тактический монитор.

– Ну? – не выдержал адмирал, остановившись за спинкой его кресла.

В прицеле локационных систем под крупным увеличением завис невзрачный серо-голубой шарик Луны-17. Сейчас самая совершенная бортовая аппаратура «Зевса» пыталась отследить те события, что происходили глубоко под поверхностью луны, в недрах ее центрального ледника.

– Хорошего мало, – хмуро сообщил координатор. – Судя по инфракрасным сигналам, на верхних уровнях базы чуть в стороне от жилых горизонтов идет нешуточный бой. – Палец Иващенко скользнул по поверхности монитора, указав

на красное пульсирующее пятно. – Сколько там наших? – осведомился он.

– Пятнадцать человек, – выдавил из себя Кончини. Он был отнюдь не дилетантом и прекрасно понимал значение этого зловещего пульсирующего пятна. Там шел бой с применением тяжелого оружия, и участвовали в нем, судя по рассеиванию тепловых сигналов, около сотни бойцов...

– Дерьмо... – выдавил он.

Повернувшись спиной к координатору, который хотя и был его подчиненным, но не отличался подобострастием и покладистостью, Кончини заглянул в отсек связи.

– Ничего нет, господин адмирал! – резво вскочил ему навстречу дежурный офицер. – Группа капитана Миллера на связь не выходила!

– Связь с Эригоном, живо! – приказал Кончини, грузно опустившись в свободное кресло. – Президента Эмолайнена.

Пока он ждал вызова, в отсек зашел Иващенко. Адмирал тяжело вздохнул, спинным мозгом почувствовав его появление. Не сидится ему на месте...

– Адмирал, кто планировал операцию? – раздался над его ухом тот самый вопрос, которого он мучительно ждал уже несколько минут.

– Полковник, не лезь, – насупился он, – это секретная директива...

– К Фрайгу твои директивы! – Голос координатора стал угрожающим. – Если их там всего пятнадцать человек, то я

вообще удивляюсь, что бой все еще продолжается! – вспыхнул он. – Их надо забирать оттуда немедленно!

Кончини чувствовал себя так, словно ему под задницу вместо кресла подсунули раскаленную сковородку. Не мог же он в самом деле признаться, что операцию вообще никто не планировал! Никаких оперативных разведанных относительно численности наемников у него не было, но, во имя Дьяволов Элио, кто же мог предположить, что на старых подледных горизонтах скрывается больше сотни человек!

Его спас открывшийся канал связи. Появившееся на экране лицо президента Эригона Эрика Эмолайнена было ему хорошо знакомо, да и президент, в свою очередь, знал в лицо командира барражировавшего его систему фрегата.

– Всем выйти! – приказал Кончини.

Оба офицера беспрекословно подчинились.

... Через минуту адмирал вышел из рубки связи. Его лицо покрывал багровый румянец. На вопросительный взгляд координатора он только безнадежно махнул рукой.

Иващенко хотел что-то сказать, но в этот момент из рубки связи выскочил офицер.

– Господин адмирал! Группа «Альфа» вышла на связь!

* * *

За десять минут до описанных событий капитан Клаус Миллер спускался по наклонному плохо освещенному тоннелю.

нелю. Сверху до него доносился отчетливый гул канонады. Сзади и сбоку командира окружали пять бойцов. Забрала их гермошлемов были подняты, чтобы прохладный воздух подледного лабиринта мог остудить злые, разгоряченные лица. Броня их боевых костюмов была покрыта выщерблинами, и ее верхний слой уже не мимикрировал, утратив глянец и покрывшись копотью от близких разрывов.

Дело было сделано, и им осталась сушая малость – выжить.

Коридор резко изогнулся, описывая петлю.

Клаус вошел в зал и напрямик проследовал к засыпанному ледяной крошкой пустому операторскому креслу. На его лицо было страшно смотреть. Один из окружавших его солдат успел смахнуть рукавом голубое льдистое крошево, осыпавшееся с потрескавшегося свода искусственной пещеры, прежде чем капитан занял место оператора.

На информационных экранах тактического пульта сменяли друг друга страшные картинки ожесточенного боя, грохот которого, рассыпавшийся в динамиках прямой трансляции на отдельные лающие очереди и трескучие, рвущие барабанные перепонки разрывы, со стороны потолка пещеры звучал отдаленным непрекращающимся гулом. Несколько секунд капитан пристально следил за изображениями на трех мониторах тактического пульта, словно пытался запомнить каждый сполох разрыва, каждый росчерк трассирующего снаряда... Его губы беззвучно шевелились.

Внезапно глубины одного из экранов разорвала ослепительная вспышка, и передающая камера отключилась. Монитор погас.

Те, кто стоял рядом с командиром, отчетливо видели, как его веко несколько раз вздрогнуло, сведенное нервным тиком.

Его рука медленно перемещала верньер настройки. Личный прибор связи капитана был поврежден, и огрызок срезанной снарядом или осколком антенны торчал из обугленной брони, словно корявый палец.

– Доминик, это Клаус, – проговорил он, поймав наконец нужную частоту и прижав к щеке тонкий коммуникационный обруч с укрепленным на нем миниатюрным микрофоном.

Сквозь грохот разрывов и треск очередей из автоматического оружия голос лейтенанта фон Риттера был едва слышен:

– Фрайг тебя побери, Клаус, нас тут уже убивают! Я потерял пять человек! Они прут из всех коридоров и мочат из оружейных комплексов, не считаясь ни с какими поселениями! Тот сукин сын, что составлял баланс сил для операции, может помолиться за наше возвращение!..

С каждым словом лейтенанта лицо командира группы бледнело, принимая оттенок окружающего его льда.

– Уходи, Доминик! – ответил он, зло сплюнув на пол. – Дело сделано. Я обезвредил «Свет»! Ты слышишь?! Оставь

верхние горизонты! Пусть твои ребята установят пару автоматических пушек, и сразу же отступайте! Будем думать, как продержаться до прихода наших!

– Понял тебя! – Голос фон Риттера был едва слышен из-за грохота разрывов.

– Все. Жду внизу. – Клаус резко встал, швырнув коммуникатор так, что стальная дуга жалобно зазвенела, и повернулся к группе военных, застывших в почтительном отдалении от разъяренного капитана.

Один оператор, лейтенант в форме планетарной гвардии Эригона и сержант со знаками различия сапера... Это были те, кто предпочел сдаться, когда группа Клауса ворвалась в зал, оборудованный под пост управления аннигиляционной установкой. Как он и предполагал, все трое не входили в число наемников, а были из местных. Обыкновенные предатели...

Клаус чувствовал, что вот-вот сорвется.

– Кто даст мне код управления спутниковой антенной? – негромко спросил он.

Не дождавись ответа, капитан сделал шаг вперед и схватил за лацкан стоявшего ближе других офицера.

Лицо лейтенанта мгновенно посерело от страха.

Ни слова не говоря, Клаус отволол его в сторону, подальше от группы своих солдат, чьи злые закопченные лица выражали полное согласие с действиями командира.

– Код управления! – повторил он, выхватив «гюрзу».

Лейтенант планетарной гвардии Эригона, совершенно случайно оказавшийся в этот час на лунной подледной базе, широко раскрыл рот, глядя в тонкое, покрытое вздутиями электромагнитных катушек дуло импульсного пистолета, и на его лбу медленно проступали бисеринки пота, несмотря на то, что в подледной пещере температура была чуть ниже нуля.

– Я... Я не знаю...

– Там вверху убивают моих ребят. – Дуло пистолета ткнулось в ноздри лейтенанта, пустив по его дрожащей губе струйку крови. – Мне нужна связь, иначе...

– Господин капитан, – вклинился между ними сержант Зотов, – тут с вами хочет поговорить оператор.

Клаус отвернулся, отпустив ворот ошалевшего от страха офицера.

– Тебе повезло, парень, – сквозь зубы процедил он.

Накоротко переговорив с оператором, он повернулся к саперу из персонала базы.

– Сколько понадобится времени, чтобы прожечь тоннель в сторону от жилых уровней? – резко спросил он.

– Не больше часа, господин капитан, – не задумываясь, ответил сержант. Ему вовсе не улыбалось знакомиться с методами убеждения Клауса поближе.

– Отлично. – Клаус сцепил за спиной руки, нервно измеряя пространство ледяной пещеры широкими размашистыми шагами. – Пробьете тоннель под углом к поверхности лу-

ны, так чтобы он вышел за пределы жилых горизонтов базы. Выполняйте!

Он повернулся к своим людям

– Иван! – обратился он к сержанту. – Проследи за ними.

* * *

Бой медленно перемещался все ниже, словно по широким, вырубленным в толще льда тоннелям неторопливо полз бесноватый рокочущий дракон, сотрясая своим сдавленным автоматным кашлем вековую тишину подледных недр, пятная голубоватую поверхность льда багряными брызгами человеческой крови и оставляя после себя лишь стоны раненых, мертвые тела, покореженные механизмы да звонкую капель, срывающуюся с подтаявших от остервенелого огня сводов.

Доминик фон Риттер редко начинал психовать во время боя, но на этот раз проняло даже его. Боевики из неизвестной ему наемной группы, закованные в керамлитовую броню боевых скафандров, перли по коридорам, подметая пространство перед собой сплошной стеной огня из автоматических пушек и огнеметов. В гладких коридорах было абсолютно негде укрыться, лишь расположенные у переходов на другие уровни квадратные бастионы, где они успели установить приземистые автоматические пушки, ненадолго задерживали около себя атакующих боевиков.

Он упал, неудачно подвернув ногу на выщербленном пулями и испятнанном кровью полу тоннеля у развилки двух коридоров. Чиркнув бронежилетом по стене и вскинув «ИМ-200» с реактивным подствольником, лейтенант врезался головой в стену и на секунду расслабленно затих, прислушиваясь к звукам боя.

Из правого коридора доносилась остервенелая автоматная стрельба. В левом пока было тихо. Фон Риттер выругался сквозь зубы и привстал на одно колено.

Он надеялся, что те, кто уцелел после боя на верхних горизонтах, уже добрались до точки сбора. Сам он отходил последним, прикрывая спины своих ребят, пока они устанавливали автоматические орудия. Его бронескафандр пробило в трех или четырех местах, половину сервоприводов порвало и покорежило, так что ему пришлось скинуть эту грудку металла, ставшую бесполезной неподъемной ношей, и отступить налегке...

Сзади, из магистрального тоннеля, послышался далекий, приглушенный расстоянием и гулом боя ноющий монотонный звук. Доминик резко поднялся на ноги и отпрянул в темноту левого тоннеля. Звук работающих сервомоторов он мог отличить от любого шума.

Не оглядываясь, он метнулся дальше, в глубину ледового лабиринта, припадая на неловко подвернутую ногу и беспричинно злясь на доставшие его обстоятельства. Ровно через пару секунд то место, где была развилка тоннелей, освети-

ла нестерпимая для глаза вспышка пролитого широкой струей напалма, и из адского пламени, расплескавшегося в теснине истекающих водой и плюющихся паром стен, показалась двухметровая широкоплечая фигура, забранная ромбиками бронепластин. Закрепленный на дымчатом шлеме радар мгновенно уловил цель, и две расположенные на покатых плечах автоматические пушки злобно зарокотали, выплевывая в левый тоннель щедрую порцию разрывных снарядов.

* * *

Клаус в этот момент находился двумястами метрами ниже, сидя за терминалом дальней межзвездной связи. От нехитрого на вид блока с матовым экраном вверх сквозь многокилометровую толщу льда уходил титановый стержень, оканчивающийся где-то посреди бескрайней ледовой пустыни полузанесенной снегом спутниковой тарелкой.

Экран устройства, долгое время не подававший признаков жизни, наконец, осветился, и Клаус облегченно вздохнул. Изображение так и не появилось, но он знал, что абонент вышел на связь, просто тот был не таким дураком, чтобы демонстрировать свою физиономию на весь Эригонский сектор.

– Это капитан Клаус Миллер, – негромко проговорил он, глядя на миниатюрный прибор, соединенный с передатчиком. Шифратор сигнала работал по принципу генератора

случайных чисел, превращая его слова в бессмысленный набор цифр, понятный только второй половине прибора, находившейся на борту фрегата «Зевс», за миллионы километров отсюда. – Сэр, мы отработали, и нужна срочная эвакуация... Повторяю: дело сделано. Вытаскивайте нас отсюда и поторопитесь.

– Сожалею, капитан, – посочувствовал ему невидимый абонент, не проявив никаких эмоций. – Подлет десантных модулей к Луне-17 вышел из графика по не зависящим от нас причинам. Возникли недоразумения с правительством Эригона.

– Сэр, – резко перебил Клаус этот равнодушный безликий голос, – я уже потерял четверть своих людей и не собираюсь терять еще. Думайте, как уладить свои проблемы и вытащить нас отсюда, потому что без применения тяжелого оружия мы продержимся не больше получаса. – В его голосе уже прорвалась тщательно скрываемая ярость. – Через тридцать минут мы начнем выбираться сами, и тогда у вас начнутся настоящие проблемы с правительством Эригона.

Экран погас.

– Ублюдок! – Кулак Клауса обрушился на прибор, с громким хрустом раздавив пластмассу. С ладони на тактический пульт закапала кровь.

Мир вокруг него вдруг начал сжиматься до размеров черной точки...

Похоже, наступал его судный день. Он встал, обведя по-

мутившимся взглядом своих подчиненных. Все ожидали взрыва, но он вдруг негромко, но внятно произнес:

– Нас бросили. Орбитальной поддержки не будет.

Взгляд капитана скользнул по бледным лицам солдат.

– Фрайга с два мы подохнем! – хрипло прошептал он, обернувшись к расколотому прибору, словно его недавний абонент все еще висел на острие спутникового луча и мог услышать его приговор. – Я вернусь...

Он резко развернулся.

– Передайте всем: прекратить огонь! Будем отступать вниз!

В глазах Клауса было темно. Он поклялся себе, что вырвется отсюда, чего бы это ему ни стоило...

* * *

Впервые он ощущал настоящий панический страх.

У него не было рук, чтобы защитить себя, не было ног, чтобы убежать, не было ни одного Носителя, чтобы соединить потерявшие смысл составные части его громадного «Я», – был только страх, который толчками бил из подледных коридоров, словно кровь из перерубленной артерии...

Они шли к нему, и сознание Интеллекта вдруг принялось вытворять странные вещи. Оно пыталось схлопнуться, коллапсировать в маленькую точку, лишь бы избавиться от той неизбежности, что двигалась по направлению к нему, кроша

голубой лед ослепительными вспышками, пятная его кровью и распространяя впереди себя животную волну ненависти и страха...

* * *

...Клаус шагал по полутемному коридору чуть впереди группы молчаливых солдат по направлению к непонятной пещере, обнаруженной саперами десять минут назад при прокладке тоннеля. Рядом с ним, прихрамывая на одну ногу, шел Доминик фон Риттер.

– Фрайг тебя побери, Клаус!.. – задыхаясь от быстрого шага и невольно морщась от боли в ноге, выговаривал он. – Нам надо пробиваться наверх, а не отступать в глубину этих ледяных кишок! Пока еще не поздно, пока нас не передавили, как вонючих зерангов!..

– Остынь, Доминик, – отрезал капитан. – Сдохнуть мы успеем.

Коридор, по которому они шли, внезапно оборвался, его стены раздались в стороны, образуя правильной формы зал, наполовину утопленный в базальтовом ложе ледника.

Посреди зала в глубоком желобе из синеватого металла стояло нечто похожее на десятиметровый каплеобразный сосуд с абсолютно прозрачными стенками. В данный момент они были расколоты на множество правильных сегментов, раскрытых в стороны наподобие лепестков невиданного до-

селе кварцевого бутона.

Внутри на прозрачной спиральной ленте росли тысячи кристаллов от нескольких сантиметров до полуметра в высоту, и тусклый свет, пробивавшийся сюда сквозь прозрачный лед из соседнего тоннеля, искрился в них, перетекая от грани к грани, словно живой фантастический огонь.

Доминик, поперхнувшись на полуслове, разинул рот.

– Что это, Клаус?!... – изумленно выдохнул он.

Капитан не отвечал, но и не спешил подойти к сверкающему, роняющему капли света чуду. Жестом подозвав к себе сапера, он повернулся и приказал:

– Повторите свой рассказ для лейтенанта...

Сержант в форме планетарной гвардии Эригона опасно покосился на застывший в центре пещеры кристаллический сгусток света и судорожно сглотнул, наверное, уже в сотый раз подумав, что лучше бы ему быть сейчас подальше отсюда.

– Что рассказывать, господин капитан... – хрипло выдавил он и кашлянул, прочищая горло. – Мы с Эндрю жгли тоннель, но чуть просчитались и взяли слишком большой угол. Потом смотрим – вроде как снизу под нами пробивается свет. Ну, мы и полюбопытствовались... – сознался он, пожав плечами, – долго ли резануть пару кубов льда...

– Дальше! – нетерпеливо потребовал Клаус, следя взглядом за направлением еще пяти синеватых тусклых желобов, отходящих от основного углубления.

Сержант поежился.

– Сначала мы испугались, – продолжил он, – но потом я смекнул, что светится эта штука. Вокруг ни души, только на полу валяются вон те спущенные футбольные мячики... – Он жестом указал на сморщенные кожистые образования, тут и там разбросанные вдоль желоба, которые действительно чем-то напоминали спущенные футбольные мячи. Рядом с ними валялось то, что полчаса назад было его спутником, а именно рядовым Эндрю Тиликайненом.

– Что случилось с солдатом?

– Да он пнул один из этих... – через силу выдавил сержант. – И тут эта штука как засветилась, аж глазам стало больно. А Эндрю вдруг закричал, схватился руками за голову, глаза навывкате, словно там у него в мозгах закипело что-то... И упал... А у меня в башке, господин полковник, такой странный голос вдруг и говорит, да еще и с дурацким таким акцентом:

«Ты зверь. Не трогай. Носитель».

Пока он говорил, Доминик фон Риттер медленно поднял свою импульсную винтовку. Его палец лежал на гашетке реактивного подствольника.

– Остынь, – остановил его Клаус, для пушей верности отведя рукой ствол его оружия. – Прибереги для боевиков, – посоветовал он, сделав шаг вперед по направлению к десятиметровой кристаллической спирали.

Он шел, чуть сощураясь от режущего глаза света, и пытал-

ся понять, что же это перед ним такое? Произведение искусства? Какой-то новый хитроумный прибор? Или это...

«Не приближайся».

Голос, прозвучавший прямо в его рассудке, заставил капитана резко остановиться, словно он шарахнулся лбом о твердую прозрачную стену.

«Я не имею к вам никакого отношения. Идите своей дорогой».

Капитан, уже оправившийся от секундного замешательства, удивленно вскинул бровь. Какого дьявола эта штука влезает в его мысли?

Несмотря на подсознательный страх, он сделал усилие и шагнул вперед. Просто так. Потому что был упрям и тратил тут драгоценные минуты. Может быть, последние минуты своей жизни.

Когда капитана прижимали к стене, он действительно становился зверем, но не в извращенном смысле этого слова, просто все его существо вдруг начинало работать на выживание, руководствуясь больше интуицией и инстинктами, чем разумом. И это действительно уже не раз спасало его.

Он сделал еще один шаг.

Клаус, как идущий по следу свежей крови эреснийский «скарм», чувствовал – оно боялось его. Чем бы ни было это светящееся кристаллическое образование, но оно боялось и каким-то ведомым только ему способом пыталось во что бы то ни стало внедриться в сознание человека.

«Не подходи!»

Колени Клауса вдруг ослабли, когда чудовищный визг резанул по его рассудку; он пошатнулся, но устоял, удержав на краю почерневшего сознания мысль о том, что это действительно последние минуты его жизни, и если он сейчас не сделает что-нибудь, то...

Темнота отпустила, и капитан чуть не ослеп от бешеного света, что, перетекая из кристалла в кристалл, струился по спирали.

Эта пещера искусственная... Кто-то принес сюда эту сияющую штуку... Здесь должен быть выход...

Клаус не ощущал, что по его вискам ленивыми струйками стекает кровь, сочась из ушных раковин. Он вдруг потерял связь с реальностью.

За его спиной внезапно загрохотали выстрелы.

Здесь должен быть выход. Он обернулся лишь затем, чтобы убедиться в причине стрельбы.

Сержант-сапер лежал, нелепо выгнувшись, поперек входа в пещеру, и его пальцы судорожно царапали залитый кровью лед. Несколько человек из отряда Клауса, среди которых он успел узнать Доминика, вели ураганный огонь в дымную глубину коридора. Оттуда, как из жерла старинной пушки, вдруг полыхнуло нестерпимым жаром, и по пещере с заунывным воем понеслись осколки, рикошета от стен и собирая свою страшную жатву. Два или три человека повалились на базальтовый пол, горячий кусок металла полоснул по щеке

Клауса, наполнив рот солоноватой кровью.

«Уходите!»

Чужой голос ворвался в контуженое сознание капитана, заставив его прийти в себя и отнять руку от изуродованной щеки.

– Доминик! Взрывай тоннель! – собрав воедино всю свою волю, крикнул он, чувствуя, как кровавая пена пузырится на щеке, когда воздух проходит сквозь рассеченную осколком плоть.

За спиной рывкнул подствольник фон Риттера, и Клаус интуитивно ощутил, как реактивный снаряд с воем ушел в глубину ледяного коридора, обрушив на наступающих боевиков несколько тонн льда.

Наступившая за этим тишина показалась еще оглушительнее, чем взрывы, лишь где-то далеко ворочалось, перекачиваясь из коридора в коридор, раскатистое эхо обвала.

Клаус сделал шаг вперед и оказался внутри кварцевого бутона, прямо у подножия спирали.

– Что ты такое? – спросил он, доставая тяжелый обоюдоострый десантный нож.

Ответом была тишина. Лишь ослепительный свет вдруг начал тускнеть.

«Уходите».

– Тебя заклинило? – Клаус уже окончательно вышел из себя. – Куда уходить?! Где выход?!

Он поднял руку и ударил тяжелой рукоятью по одному из

кристаллов. Тот вдруг погас, выпав из общего хоровода огня, и с удивительной легкостью отлетел на пол, обнаружив под собой коническое углубление.

«Мне больно!»

– Говори, где выход?!

Рукоять ножа сшибла еще один кристалл, и целая секция спирали внезапно погасла. Движение света в остальных частях ленты теперь казалось конвульсивным и разорванным. Он умирал.

Волны ужаса неслись по его кристаллам, болезненно разрушая привычные связи.

Бог есть любовь... А любовь есть Бог...

«Животные!»

Он не мог ничего предпринять. Он был беззащитен. Тупая ярость загнанных в ловушку людей превращала его в калеку...

«Больно!»

Очередной кристалл с тихим звоном вылетел из гнезда.

«Уходите! Там! Желоб! Вход в гиперпространственный тоннель!»

Клаус вздрогнул.

Удивляться было некогда.

– Куда мы попадем? – сухо осведомился он, занося руку для следующего удара.

«Желоб! – орал в его голове холодный голос. – Уходите!!!»

Капитан криво усмехнулся покалеченным ртом. Сделав несколько шагов, он подобрал с пола пещеры выбитые кристаллы и зажал их в кулаке.

У него все равно не было выбора. Просто он никогда не сдавался.

– Доминик, бойцы, все за мной! – Он подошел к тому месту, где начинался синеватый желоб, и ступил на него. Потом обернулся к сияющей спирали и сказал: – Если я выживу, ты получишь назад свои кристаллы.

Он не видел, что над его головой покрытый трещинами ледяной свод пещеры начал медленно проседать. С потолка уже осыпались мелкие осколки.

Судьба в этот день явно была не на его стороне. Клаус успел сделать всего один шаг, увлекая за собой пятерых оставшихся в живых членов своей группы, когда часть свода с оглушительным треском обрушилась в пещеру.

Последнее, что он успел осознать, прежде чем потерять сознание, был глухой удар, ослепительная вспышка и искрящийся калейдоскоп колотого льда.

Когда отгрохотало эхо обвала, в полутемной пещере остался лишь покалеченный Интеллект. Его изуродованная спираль конвульсивно вспыхивала, периодически освещая горы льда, засыпавшего вход и часть впаянного в базальт желоба. Он умирал...

ГЛАВА 3. НОСИТЕЛЬ.

Единственным ребенком, случайно оказавшимся на базе в момент ее штурма, была десятилетняя Кейтлин Ларош – дочь одного из примкнувших к заговору офицеров планетарной гвардии Эригона.

Когда наверху началась стрельба, она находилась на самом нижнем горизонте совсем одна в огромном пустом зале, где у стен сиротливо перемигивались огоньками несколько пультов. Отец, пять минут назад поговоривший по интеркому с кем-то сердитым, попросил ее посидеть тут и ушел, озабоченно пристегивая на ходу свою портупею.

Она еще не знала, что он больше никогда не вернется. Некоторое время девочка сидела, болтая ногами, на краю глубокого операторского кресла, вслушиваясь в глухие далекие раскаты грома, потом ей наскучило это занятие, и Кейтлин вприпрыжку пробежалась по залу, стараясь скоротать время. В соседнем коридоре несколько раз мигнул свет. Девочка остановилась и прислушалась. Грохот перемещался все ниже, становился все явственнее, в нем теперь можно было различить отдельные звуки.

Поначалу Кейтлин не испугалась: она всю жизнь прожила с родителями в гарнизонном городке планетарной гвардии и привыкла к тому, что время от времени размеренная жизнь

городка нарушалась грохотом, суетой и криками. Мать называла это учениями.

Однако сидеть одной в огромном ледяном зале было скучно, и она, немного помявшись у устья тоннеля, все же решилась пойти посмотреть, что же такое там происходит.

К счастью для себя, она выбрала тот коридор, который вел к пустым складам.

Побродив там и не встретив на своем пути ни одного человека, Кейтлин в нерешительности остановилась у развилки двух тоннелей, уже по-настоящему испуганная и готовая вот-вот расплакаться.

В этот момент рядом, почти под ее ногами, сквозь толщу льда сверкнула ослепительная вспышка, раздался грохот, сопровождаемый тяжким стоном сдвигающихся масс льда, и Кейтлин, которую толчок швырнул на пол, отчаянно закричала, когда по стенам тоннеля вдруг побежала паутина трещин.

Еще секунду детский крик бился в теснине покрытых трещинами стен, а потом все с грохотом и протяжным скрипом полетело вниз.

Падая в окружении острых сверкающих глыб льда, она была в полном сознании. Кейтлин не кричала – крик замерз в ее сдавленной ужасом груди, она летела, широко раскрыв глаза и рот, словно мягкая кукла.

Сдвинутые взрывом пласты льда, засыпав искрящимся крошевом несколько тоннелей, по которым наступали бое-

вики, внезапно остановились. Кейтлин ударило спиной об острую глыбу, отбросило в сторону и, протащив по инерции несколько метров по узкой трещине между сдвинувшихся ледяных стен, внезапно бросило в огромный полутемный зал.

От тяжелых увечий ее спас ужас, что полностью парализовал девочку еще в тот момент, когда начали крошиться стены тоннеля. Странная прихоть судьбы пронесла расслабленное тельце ребенка сквозь жернова сдвигающихся масс льда, которые в это самое время сдавливали и перемалывали керамлитовую броню боевых скафандров. Покрытую ссадинами и ушибами, но живую, она оставила девочку лежать на запятнанном кровью базальтовом полу.

Некоторое время Кейтлин не могла вдохнуть, тщетно напрягая ушибленные легкие, пока спазм не приоткрыл узкую щелку, сквозь которую со всхлипом вошел холодный воздух пещеры, и тогда она закричала, в отчаянии пытаясь сжаться в комок, потому что ее сознание не хотело знать, что произошло вокруг.

Ее организм действительно находился на грани комы, и голос, внезапно прозвучавший в ее голове, оказался своеобразной спасительной соломинкой для балансирующего у опасной черты разума десятилетней девочки.

«Не бойся».

Она продолжала тихонечко плакать.

«Не бойся, девочка».

Кейтлин открыла плотно зажмуренные глаза и с удивлением уставилась на свои посиневшие от холода, порезанные острым ледяным крошечком ладошки.

– Мамочка... – прошептала она, бессознательно пытаясь отодвинуться от того ужаса, что предлагала ей неумолимая реальность.

Однако голос, прозвучавший в ее голове, сделал свое дело, и она, открыв глаза, уже не могла вернуться в то шоковое состояние полусна-полусмерти, в котором так горько и уютно задышалось ее сознание несколько минут назад. Реальность обступила ее со всех сторон низким давящим потолком, темными базальтовыми стенами, наполняя ее неизбывным страхом.

Встав на четвереньки, словно маленький испуганный зверек, она обвела широко открытыми глазами замкнутое пространство, в самом центре которого светился фантастически красивый сгусток жидкого огня.

Милосердный сумрак зала и гора колотого льда скрыли от ее глаз изуродованные тела людей. Внимание девочки приковала сияющая спираль, и она непроизвольно встала на ноги и сделала неуверенный шаг к источнику света.

* * *

Интеллект чувствовал, что он болен. Надругавшиеся над ним звери заразили его своей ненавистью.

Внутренние связи отказывали одна за другой. Выбитые из общей цепи кристаллы, унесенные двуногим существом, по роковой случайности оказались одними из основополагающих в его схеме.

Он неотвратимо распадался.

Это еще не было смертью, но агония уже началась, и он впервые испытывал подобную муку. Ощущение рыхлости, распада собственного сознания несло такой заряд виртуальной боли, что судорожные волны огня, словно разряды молний, бьющие по виткам его искаленной спирали, являлись лишь ее слабым отголоском.

Ему был нужен Носитель...

Эта мысль затухающим мнемоническим воплем металась в тесном сумраке пещеры, и разум десятилетней девочки, про попытку заговорить с которой Интеллект уже успел забыть в своем разрастающемся безумии, воспринимал его каждым своим нейроном.

Она не знала, что случилось с окружающим ее миром. Взрослый человек, пролетев сквозь сдвигающиеся пласты льда и чудом оставшись в живых, сейчас был бы погружен в болезненные ощущения запоздалой реакции организма на пережитую катастрофу. Она же, окончательно придя в себя, встала на ноги и, чуть прихрамывая, подошла к ослепительному спиралевидному столбу холодного огня.

Мнемонический предсмертный вопль Интеллекта продолжал неистово биться в ее голове, и она, подчиняясь како-

му-то своему внутреннему порыву, погладила нижний виток пульсирующей спирали.

– Не плачь...

Волна огня взметнулась еще яростнее, потекла вверх, споткнулась о мертвый участок спирали с выбитыми из гнезд кристаллами, и бессильно затухла.

Кейтлин улыбнулась разбитыми при падении губами. Рядом в прозрачных раскрытых сегментах лежали тысячи тусклых, мутных кристаллов, и она взяла один из них, интуитивно выбрав самый большой, и вставила его в темное гнездо на мертвом участке спирали.

Кристалл вспыхнул, порождая в своих глубинах феерический световой смерч. Кейтлин отпрянула, но огонь действительно был холодным, а его сполохи теперь совсем не резали глаз. Это было забавно. И красиво.

Она нагнулась и подняла следующий кристалл. Потом еще... и еще один.

Вопль боли в ее голове вдруг затих, сменившись звенящей, напряженной пустотой, словно какой-то сгусток черноты висел неподалеку от нее и заглядывал в сознание девочки в настроенном ожидании того, что случится дальше.

Она вставила последний кристалл и с удовольствием оглядела свою работу. Это было похоже на успешно завершённую мозаику, и Кейтлин захотелось поиграть еще. Волны света теперь не бесновались в судорожных порывах, они плавно текли по виткам спирали, от ее основания к вершине, баю-

кая сознание, внушая спокойствие и желание продолжать.

Она взяла целую пригоршню кристаллов из раскрытого темного сегмента, установленного подле основания спирали, и пошла по кругу, заполняя длинные цепочки темных ямок-гнезд, пока рядом с большой спиралью не ожили, загоревшись изнутри, еще пять маленьких спиралек высотой с метр. Переливающиеся дорожки света тянулись к ним от центра.

Она стала Носителем. Периферия Интеллекта была подключена спустя три миллиона лет после его эвакуации из гибнущего под ударами Предтеч мира.

Кейтлин подняла голову и посмотрела на феерическую пляску огня, только что воссозданную ее руками. Пока она смотрела, прозрачные сегменты вокруг нее пришли в движение и вдруг начали закрываться, смыкаясь в прозрачный бутон вокруг Интеллекта и его Носителя.

Потом вся конструкция вздрогнула и начала медленно скользить по синеватой поверхности центрального желоба.

Интеллект возвращался в свой мир. Он уносил с собой свое безумие, выраженное в тайном пороке бессистемно восстановленных связей... Его конфигурация была нарушена, потому что не все кристаллы являлись взаимозаменяемыми, и те, что встали в мертвые гнезда, не могли обеспечить адекватной работы в общей схеме Интеллекта.

Он был изуродован, но еще не осознавал этого, поглощенный единственной мыслью о том, что существа, столь жестокие, что даже призрак Предтеч бледнел перед ними, должны

быть уничтожены, стерты из реальности Вселенной.

Вокруг закрутилось фиолетовое марево гиперперехода, и капсула с Интеллектом вошла в тоннель, с тем чтобы выйти из него за тысячи световых лет от Эригона, под солнцем другого, древнего мира. А Кейтлин, боязливо прижавшаяся к основанию световой спирали, смотрела вокруг, ничего не понимая, лишь ее губы беззвучно шевелились, выговаривая единственное слово:

– Мама... Мамочка...

За их спиной с оглушительным грохотом взорвалась, проседая внутрь, базальтовая пещера, а вслед за ней в образовавшуюся воронку медленно сползло несколько кубических километров льда, сорвав и растерев в пыль целый квартал человеческого города.

Потом, когда остановилось движение ледовых масс, в обнаженных тоннелях жилых уровней лунной базы шумно завывали сирены и раздались крики. Но эта суэта уже не могла ничего изменить.

* * *

Первыми на Луну-17 прибыли два десантно-штурмовых модуля Патруля.

Они садились в аварийном режиме, двумя сияющими болидами обрушившись с небес, и вслед за ними в фиолетовом небе Луны появились обтекаемые контуры штурмови-

ков прикрытия.

Ослепительно резкий свет десятков прожекторов резал серую муть непрекращающейся поземки. Из посадочных модулей, как только их опоры коснулись подтаявшего от пламени двигателей льда, начали выскакивать люди. Заученными движениями серые, закованные в камуфлированную броню фигуры сыпались из провалов открывшихся рампы, отбегали в сторону и сразу же исчезали среди пурги, образуя цепь, которая быстро двигалась в сторону уродливой двухкилометровой воронки, на краю которой громоздились торосы изломанного льда.

Лейтенант космической пехоты Павел Знобин резко остановился, так, что сдавленно взвыли сервомоторы его скафандра, и застыл, слегка наклонив торс над изломанной линией сместившихся масс льда.

Процессор боевой экипировки, закончив сканирование, выдал на прозрачный планшет лейтенанта страшную картинку. Это был инфракрасный снимок разверзшегося перед ним провала, бывшего всего полчаса назад ледником, внутри которого располагалась созданная руками человека база с разветвленной системой подледных коммуникаций и жилым комплексом...

Большая часть научного городка пережила катаклизм, но несколько кварталов рухнуло на дно воронки, и темные зевы разорванных взрывом тоннелей зияли в голубоватой вертикальной стене словно обрубленные артерии. Из некоторых

лениво сочился едкий дым – горела проводка от коротких замыканий в общей энергетической сети, но не это заставило молодого лейтенанта на мгновение зажмуриться. Картина, смоделированная компьютером на его оперативном планшете, напоминала кадр из фильма ужасов: под холодными, обрушившимися вниз глыбами льда, на глубине около полукилометра, ясно просматривались тепловые контуры попавших под обвал людей. Некоторые из них пытались двигаться, и лейтенант почувствовал, как непроизвольно зашевелились его коротко остриженные волосы под гермошлемом.

– «Зевс-3», на связи группа оцепления, – в шоке от увиденного, захлебывающейся скороговоркой доложил он. – Нахожусь у края провала. Сопротивления нет, «скармы» отработали чисто. Сканирую тепловые сигналы на глубине шестисот метров под обвалом. Есть четкий сигнал от двух радиомаяков... Люди... Они там... – Он вдруг подавился, чувствуя, что не в силах больше говорить.

Это был второй десант молодого офицера. Потрясенный увиденным, он почти не слышал, что передавали ему с модуля. Справившись с волнением, Павел машинально включил реактивные ранцевые двигатели.

– Взвод, за мной! Оружие зачехлить! – уже падая вниз, хрипло приказал он. – Использовать плазменные резаки!

Он первым коснулся хаотичного нагромождения ледовых глыб. Встав на колени, лейтенант выхватил аппарат плазменной сварки и начал резать лед.

Вслед за ним на дно воронки один за другим опускались сияющие во тьме фигуры. Отложив оружие, они торопливо и молча вступали в дело.

* * *

Клауса извлекли одним из последних.

Он был без сознания. Его тело, раздавленное ледяными обломками, изодранное и окровавленное, успело заледенеть.

Все думали, что он мертв. К этому времени на поверхности луны уже суетились несколько сот человек. У края воронки был развернут временный реанимационный пункт под надувным резиновым куполом. Энергоснабжение уцелевших уровней подледной базы восстановили около часа назад, и все пространство провала теперь заливал яркий прожекторный свет. Вдоль одной из отвесных стен вверх и вниз сновали наспех смонтированные подъемники.

Тело капитана извлекли из-под глыбы придавившего его льда. Находившиеся рядом гражданские специалисты отводили глаза, не в силах смотреть на изувеченного офицера. Он выгнулся в неестественной позе, в одной руке продолжая сжимать намертво вросшую в ладонь «гюрзу». Кулак другой тоже был плотно сжат, и никому из окружающих даже не пришло в голову, что там, в заиндевевшей ладони, прочно зажато несколько голубовато-серых кристаллов. Окружающим людям было не до того.

Клауса осторожно поместили в камеру поддержания жизни, скорее для очистки совести, нежели на что-то надеяться. По всем мыслимым раскладам капитан, возглавлявший группу «скармов», должен был быть мертв.

По дороге наверх, когда подъемник преодолел половину расстояния до изломанного верхнего края воронки, щеки Клауса начали розоветь, и он на мгновение открыл глаза.

Сквозь кровавый дурман боли он увидел неясные контуры боевой экипировки сопровождавшего его пехотинца и почти тотчас же вновь потерял сознание, но за эти секунды он все же успел осознать, что жив.

Если бы его губы могли шевельнуться, он бы улыбнулся. Но сил хватило лишь на слабое дрожание век и короткую мысль.

– Кто?.. – едва слышно просипел он.

Сопровождавший реанимационную капсулу космический пехотинец не слышал этого похожего на вздох вопроса. Он был занят тем, что разглядывал растрескавшиеся и подтаявшие стены из голубоватого, с зелеными и белыми прожилками льда.

«Не хотел бы я быть на месте того парня, на чью задницу свалят ответственность за эту воронку», – подумал он, мысленно содрогнувшись от воспоминания о той каше, что покрывала дно двухкилометровой впадины.

В тысяче километров над поверхностью ледяного шарика Луны-17 гордо плыл громадный космический корабль.

В маленькой уютно обставленной каюте адмирал Кончини, сидя перед терминалом тактического компьютера, пустыми глазами смотрел на скупые строки полученного приказа:

«Командиру патрульного фрегата „Зевс“ адмиралу Кончини. Приказываю сдать полномочия старшему офицеру корабля полковнику Иващенко до прибытия следственной группы Совета Безопасности. Список выживших из личного состава подразделения „Скарм“ передать на флагман немедленно.

8 июня 3727 года. Командующий флотом Лорг О'Тейлор».

ГЛАВА 4. ОСТАНКИ.

Сто восемьдесят световых лет от границ Протектората Окраины. То же время – 3727 год Галактического календаря по летосчислению человечества...

Возвращение в родной мир не принесло ему облегчения.

Можно сказать больше: то, о чем Интеллект мечтал в стылой тиши базальтовой пещеры, оказалось не триумфом и даже не вступлением в исторические права, – возвращение стало для него кошмаром...

В первый миг, пережив разлагающий сознание гиперпрыжок и очутившись под красноватым светом родной звезды, он испытал чувство, которое человек мог бы назвать «безграничным счастьем».

Это было совершенно новое ощущение, такое же сильное, как недавно пережитый ужас, с той лишь разницей, что оно имело положительную окраску.

Три миллиона лет... Стоило задуматься над этой цифрой. Даже для такого создания, как искусственный кристаллический мозг, это был срок. Только сейчас, когда в его фоторецепторы ударил тусклый красноватый свет старого, умирающего солнца, он осознал тот страх, который присутствовал в нем с момента пробуждения на Луне-17. Он боялся, что

гиперпрыжок приведет его к обломкам родного мира.

Этого не случилось. Сфера пережила яростный натиск Предтеч...

Корабль-капсула с Интеллектом и Кейтлин материализовался прямо в воздухе на высоте двух километров от плоской вершины горы.

Вокруг неслись багряные облака, гонимые шквальным ветром к загибающемуся кверху горизонту. Кейтлин непроизвольно зажмурилась, подсознательно ожидая, что сейчас их закружит этот шквал, но секунды шли, а ничего страшного не происходило. Поборов страх, девочка открыла глаза.

Облака продолжали свой стремительный бег к горизонту. Присмотревшись внимательно, она поняла, что их окружают толстые прозрачные стены.

Их спуск проходил внутри огромного купола, который полностью накрывал собой гору.

Ей было так страшно, что она онемела, инстинктивно прижимаясь к темному пьедесталу, на котором сияла десятиметровая спираль.

Взглянув вниз, Кейтлин не почувствовала никакого облегчения. То место, куда опускался кварцевый бутон, походило на правильно распланированный город с симметрично расположенными массивами застройки. Только вместо домов к тусклым багряным небесам вздымались тысячи кристаллов, образуя своеобразный лес, рассеченный узкими просеками.

Это было ирреальное, сводящее с ума зрелище. Кристал-

лы, достигавшие в высоту нескольких десятков метров, росли прямо из земли, причудливо ветвясь и сверкая ослепительными гранями в лучах красного солнца, шарик которого неподвижно повис в зените, прямо над куполом.

Между рядами кристаллических деревьев, словно лианы в тропическом лесу, тянулись толстые черные жгуты оптико-волоконных кабелей. Часть из них была порвана и свисала к земле безжизненными темными плетями. В просеках, деливших кристаллический лес на равные клинообразные участки, возвышались остовы каких-то разрушенных временем механизмов.

Корабль-капсула, удерживаемый в воздухе какой-то неведомой силой, медленно опускался в самый центр этого города-леса, где была расположена небольшая возвышенность, по склонам которой вниз к крайним деревьям сбегали темные симметричные дорожки конических углублений.

Кейтлин зажмурилась. Она больше не могла выносить этого кошмара...

Как ни странно, но Интеллект испытывал в эти мгновения схожие чувства. Он вернулся домой... но его эйфория медленно улетучивалась по мере того, как капсула спускалась все ниже.

Поступавшие к нему видеообразы несли в себе сотни несоответствий с той картиной, что хранила его долгосрочная память.

Во-первых, был поврежден купол. Безжалостное время

основательно потрудились над ним – по поверхности циклопической полусферы змеились десятки трещин, расчленявших небо над головой на уродливые неравные участки, покрытые пятнами какого-то налета, даже примитивными формами не то животной, не то растительной жизни...

Это было первое обстоятельство, которое если не испугало, то насторожило кристаллический мозг.

Корабль-капсула тем временем снизился и завис над коническим углублением в центре своеобразного подиума, который со всех сторон окружал мерцающий кристаллический лес.

С громким хрустом капсула Интеллекта вошла в предназначенное для нее углубление. Медленно дрогнули и начали раскрываться лепестки кварцевого бутона, впуская внутрь разреженный воздух высокогорья.

Кейтлин закашлялась, с ужасом разглядывая окружающую панораму. Больше всего девочку пугало непривычно красное солнце и темно-багровое небо.

Этот мир был чем-то похож на библейский ад...

Впрочем, секунду спустя она начисто забыла не только об аналогиях, но и о страхе. Гневный, нетерпеливый мнемонический окрик заставил ее отцепиться от сияющей спирали и ступить на черную гладкую, словно пласт вулканического стекла, поверхность возвышенности.

Подчиняясь мысленному приказу, она безропотно начала выкладывать первую дорожку из кристаллов, следуя цепочке

углублений.

Когда последний камень лег в предназначенное ему гнездо, от спирали Интеллекта к ближайшему кристаллическому дереву пробежала волна огоньков. Попав в заросли, свет вдруг ожил, заструился, побежал вверх и в стороны, изгоняя с этого участка хаотичное сияние. Деревья вдруг осветились изнутри, и разноцветные волны живого огня потекли по ним, совершая странные, но удивительно красивые эволюции...

Интеллект вернулся...

Он вступал в исторические права.

Из миллионов информационных каналов, которые словно паутина опутывали всю внутреннюю поверхность сферы, уцелело едва ли несколько сотен, но и этих крох оказалось достаточно для того, чтобы он смог бросить взгляд вокруг и ужаснуться...

Кейтлин, закончившая свою работу и теперь преданно разглядывавшая кристаллические дороги, ведущие в разные стороны от того места, куда они попали, завершив свой пространственный прыжок, боковым зрением заметила, как неистово вспыхнула десятиметровая спираль Интеллекта, и быстро обернулась, ожидая команд.

Она выполняла функции Носителя всего несколько часов, но за это время ее сознание словно бы переродилось под воздействием мощных мнемонических волн. Она не понимала того, что полностью поработана и украдена из своего дома. Просто все, чем она жила до момента взрыва в подлед-

ных коридорах и своего падения сквозь смещающиеся пласты льда, потускнело в ее сознании, отдалилось, стало незначительным и абсолютно неинтересным...

Она была Носителем Интеллекта, и это являлось единственным смыслом ее бытия...

Спираль полыхала неистовым огнем. Кейтлин, не получив никаких команд, замерла в нерешительности, переминаясь с ноги на ногу. Она устала и хотела есть, но молчала.

Бешеное свечение Интеллекта было адекватно крику отчаяния и боли.

Он увидел свой мир таким, каким тот стал за время его затянувшегося отсутствия.

Все лежало в руинах...

Повсюду, куда только доставал его взгляд, возвышались безжалостно разрушенные временем, уродливые остовы некогда могучих и прекрасных механизмов. Города по-прежнему поднимались к багровым небесам, словно памятник былому величию. Но от них осталась лишь скорлупа, в которой тут и там зияли дыры обвалившихся входов. Оди-чавшие, подвергшиеся мутациям растения буйной порослью укрыли руины цивилизации, изменив ландшафты, уничтожив тщательную симметрию, осквернив все, куда только могли вскарабкаться цепкие побеги...

Там, где у подножия этой горы раньше плескался теплый мелководный океан, теперь на тысячи километров протянулось коричневое зловонное болото. Редкие пучки урод-

ливой растительности торчали из застойных пузырящихся луж. Холмы, которые были островами, превратились в сглаженные илом бугры, от гидропонических ферм не осталось и следа, прекрасные лазурные акватории обмелели, а выщербленные склоны набережных покрывал чахлый кустарник, пробившийся между облицовочных плит.

Но самым страшным было не одичание мира. Цивилизацию можно было возродить, поднять из руин города, проложить новые линии порядка среди царящего вокруг живописного природного хаоса... но для кого?

Он менял канал за каналом, анализируя изображения, поступавшие к нему через тысячи километров оптико-волоконных кабелей, пока не пришел к очевидному выводу.

Его создатели деградировали до уровня животных... Наследники великой цивилизации тупо взирали на покореженные временем артефакты, не задаваясь вопросом об их происхождении и предназначении.

Тут властвовали совершенно иные существа...

Страшные, жестокие, безжалостные, они заселили его мир и правили в нем, построив на руинах прошлого свои города.

Интеллект провел мгновенный сравнительный анализ, установив, что здесь, кроме остатков его деградировавшего народа, присутствовали еще как минимум две разумные расы. И одной из этих оккупировавших его мир рас были люди!

Если бы он мог кричать, то от его отчаянного безысходно-

го вопля рухнули бы стены, а так только маленькая девочка корчилась на полу у его основания, извиваясь в судорогах и хватаясь руками за голову, где у нее располагался свой примитивный мозг, разрываемый в данный момент телепатическими эманациями Интеллекта.

Он понял это и перестал так бесконтрольно и яростно выражать свое отчаяние и скорбь. Примитивное существо, принадлежащее все к той же ненавистной разновидности двуногих, оказалось на данный момент его единственным Носителем, и нужно было позаботиться о поддержании ее жизни, хотя бы на первых порах, пока он не призовет к себе кого-то из своих...

Интеллект полыхал свирепым огнем, все глубже уходя в бездну своего безумия. И это была не паранойя и не следствие криво восстановленных связей, нет...

Это была ненависть...

Он прекрасно осознавал разрастающееся в нем чувство, и зародившаяся было мысль об исторической справедливости заселения брошенной Сферы другими существами так и погибла, раздавленная новыми для него яростными эмоциями, такими болезненными и непредсказуемыми, что их восприятие граничило с ощущением полного саморазрушения.

Интеллект еще не знал, что ненависть действительно разрушает сознание, медленно подтачивая его логические устои и превращая процесс здравомыслия в сплошной яростный бред. Ему еще только предстояло пройти через это.

Он собирался вернуть былое величие своему одичавшему народу. Но сначала он должен был очистить родной мир от заселившей его двуногой проказы...

* * *

3728 год Галактического календаря... Сектор а-217 – подземные казематы форта Стеллар, центральной исправительной тюрьмы одноименного спутника планеты Рори.

– В твоём распоряжении десять минут, парень, – проговорил охранник. Демонстративно отвернувшись, он щелкнул выключателем, убрав гудящий силовой барьер одиночной камеры, и медленной тяжелой поступью углубился в залитый ярким светом коридор, рассеянно постукивая по стенам электрошоковой дубинкой.

– Дерьмо Шииста, – вполголоса выругался Доминик, переступив порог камеры.

Клаус сидел на жесткой откидной койке, поджав под себя ноги. Его глаза были закрыты.

– Командир... – негромко позвал фон Риттер.

Веки Клауса дрогнули. Он выглядел постаревшим и изможденным. Страшный, уродливый шрам пересекал его левую щеку, выделяясь багровым зигзагом на землисто-сером лице. Правая рука от локтя представляла затянутую в пла-

стик культу.

Горло Доминика сжал предательский спазм.

Открыв глаза, Клаус удивленно уставился на посетителя.

– Ты, лейтенант?! – хрипло выдавил он и тут же откашлялся, прочищая горло.

– Не лейтенант, – поправил его Доминик, криво усмехнувшись и протягивая руку. – Рядовой пятого штрафного батальона форта Стеллар, по приговору трибунала... – отрекомендовался он, сжав здоровую ладонь Клауса.

Несколько секунд они пристально смотрели друг на друга, словно прикидывая степень морального и физического ущерба, причиненного обоим за год, прошедший со дня той злополучной операции.

– Кончини застрелился, – наконец проговорил Доминик, присаживаясь рядом с Клаусом на жесткий тюремный топчан.

– Не выдержал? – В голосе командира не было затаенной злобы или презрения.

– Не знаю. Не думаю, что этого козла заела совесть, – хмуро ответил Доминик. – Теперь все свалится на тебя, командир! – внезапно добавил он.

– Знаю... – Клаус достал сигарету и прикурил, неловко действуя одной рукой. Это была единственная вольность, что позволялась заключенным форта. Курить и читать книги. Все остальное было запрещено.

– Я тут прикинул, что к чему... – начал Доминик, но Клаус

прервал его выразительным жестом.

– Постой... – Он выдохнул дым. – Ты читал доклад экспертной комиссии?

– Да. Эти уроды излазили всю воронку, но не обнаружили там никаких следов «светящегося кристаллического образования», – угрюмо процитировал он. – Ну и что, Клаус? Твой процесс еще впереди! Я забрал из госпиталя твои вещи, и там есть пригоршня этих самых кристаллов.

– Остынь, Доминик, – опять прервал его командир. – Хочешь угодить в психушку? На Луне-17 были не уроды, а хорошие эксперты, – вздохнул он. – Они нашли только колотый лед и трупы...

– А этот желоб на дне пещеры?

– Доисторический метеоритный шрам.

– Да дерьмо все это! – вспылил Доминик. – Ни я, ни ты не подрывали город! Нас подставили, бросив туда без подготовки операции, и, тем не менее, мы выполнили задание!

Клаус покачал головой. Он уже устал думать об этом.

– Там погибли двести мирных жителей. – Он погасил сигарету и взглянул на фон Риттера. – Кончини застрелился, но кто-то должен ответить за все... Они уже так решили.

– Покоряешься судьбе? – прищурился Доминик. – Что-то не похоже на тебя, Клаус!

– Трибунал состоится, хочешь ты этого или нет, – спокойно ответил командир. – Они уже списали меня. Но ты еще на свободе, хоть и рядовой. Я запрещаю тебе выступать на суде.

– Командир!

Клаус резко повернулся.

– Я устал, Доминик. Меня вытащили с того света, чтобы судить. Пусть будет так. – Он вздохнул, достав новую сигарету. – Если я буду трепыхаться, спецы сломают меня... Ты же знаешь, как это делается. А я еще хочу докопаться до истины...

– И что ты предлагаешь?

– Меня осудят, потому что дело получило огласку. Им нужен козел отпущения. – Клаус усмехнулся, глядя на фигуру охранника, который возвращался, направляясь к его камере. – Спасибо, что пришел. Я был рад тебя видеть, Доминик, – совершенно серьезно проговорил он.

Фон Риттер встал.

– И все-таки, Клаус...

– Жди... Живи и жди, – отрезал Клаус, не глядя в глаза Доминику. – Конфедерация трещит по всем швам. Просто пообещай, что вытащишь меня отсюда, если представится случай... И сохрани эти кристаллы, ладно?

– Хорошо, командир... – Фон Риттер посмотрел на охранника и протянул руку. – Я вытащу тебя, не сомневайся! – пообещал он, переступив порог камеры.

За его спиной натужно загудел силовой барьер.

Сфера Дайсона. Комплекс управляющих систем Интеллекта. 3728 год...

Кейтлин смутно помнила те дни, когда она и Интеллект вернулись в Сферу. Самым главным ощущением была всеобъемлющая, нечеловеческая усталость, на сером фоне которой по странной прихоти памяти осталось лежать несколько ярких картинок отчетливых воспоминаний.

...Она стоит на краю платформы, выдающейся со склона искусственной горы, и смотрит вниз, на проплывающие под ногами курчавые барашки облаков. В мутной голубоватой дымке далеко внизу виднеется бескрайняя коричневая гладь болота, дугообразная линия берега и смазанная зелень неимоверно далекого леса...

...Холодный разреженный горный воздух обжигает ей грудь, вызывая спазмы. Ей отчего-то хочется вниз, туда, где заманчиво зеленеет эта призрачная полоска растительности... Горячая слеза сбегает по ее щеке, и она украдкой проводит по лицу обтрепавшимся рукавом ветхой тесной одежды...

...В черном тоннеле, пронзающем склон горы, протянуты тысячи толстых плохо гнущихся кабелей. Она идет по узкому проходу, внимательно осматривая их в поисках повре-

ждений. В тоннеле пахнет могильной сыростью и тянет пронзительным холодом. Некоторые из оптических кабелей излучают слабый, едва уловимый свет. Большинство же темно как ночь...

Что такое ночь? Она остановилась, глядя в серый сумрак, и ее обветренное лицо исказила гримаса страдания. Она силится вспомнить что-то важное, прочно скрытое за порогом сознания и никак не связанное с Интеллектом...

В голове вспыхивает знакомая резкая боль. Он злится. Кейтлин, покорно склонив голову, берет поврежденный кабель и, обламывая ногти, начинает сращивать его концы, изолируя стык специальным составом.

После долгих мучений ей это удастся, и внутри черной бесконечной кишки начинает струиться слабый свет. Она улыбается потрескавшимися губами. Она счастлива. Она – единственный Носитель Интеллекта, и в этом заключается смысл ее бытия.

...Интересно, а что означают яркие, серебристые пылинки, рассыпанные по бездонному мраку? Она когда-то видела это? Что такое ночь?..

...Пустая сферическая комната плавает в волнах блаженного расслабляющего тепла. Она ложится на пол, ощущая благодатные токи почти горячего воздуха. Ее одежда давно превратилась в лохмотья, кожа загрубела и обветрилась, и сквозь прорехи в ткани ее обнаженное тело чувствует тепло.

Голос Интеллекта, как обычно, без всякого предупрежде-

ния зарождается в голове. Она часто приходит сюда по его приказу, чтобы отвечать на вопросы. Только здесь среди благодатного тепла с нее снимаются все запреты, и тут она может помнить то, что обычно остается за порогом сознания.

– Носитель, мне нужно оружие. Что ты помнишь про него?

Кейтлин, вытянув ноги, плотно зажимает глаза. Перед ее мысленным взором всплывают обрывки далеких туманных воспоминаний.

Интеллект, как обычно, сумел вычленив самую главную информацию. Он, как опытный психолог, препарировал ее воспоминания, складывая их в нужной последовательности...

* * *

Жить становилось все труднее. Где-то внутри исхудавшей, тонкой как тростинка девочки гнездились страшное взрослое чувство. Это было ощущение безысходности рабского существования, но она не могла осознать его, потому что была под полным контролем Интеллекта.

Это не могло продолжаться вечно.

Наступил тот момент, когда Кейтлин не смогла встать после того, как была отпущена на короткий двухчасовой отдых. Ее знобило, хотя все тело пылало огнем.

Несколько суток она без памяти пролежала в небольшой

круглой пещере, едва не погибнув от лихорадки и нестерпимой жажды. В этом мире не было другого существа, которое могло подать девочке воды и позаботиться о ней. Возможно, что Интеллект и желал ей помочь, но он тем более не мог проделать необходимых операций, потому что его руками была именно она.

Эта болезнь, вызванная скорее хронической усталостью, нежели какими-то бактериями, подействовала на них обоим, но совершенно по-разному. Интеллект, все эти дни со страхом наблюдавший за мучениями загнанного им маленького существа, думал о крайней непредусмотрительности своих действий. Ему не следовало развивать такую бурную деятельность, не позаботившись о нужном количестве Носителей. Раньше он никогда не совершил бы подобной оплошности, но сейчас, когда в его кристаллических матрицах уже прочно угнездились горячее, сводящее с ума чувство глобальной, всеобъемлющей ненависти к захватившим его мир двуногим, обдуманность и взвешенность каждого шага, приходящая Интеллекту из прошлого, становилась все более и более прозаическим аспектом его сознания...

Кризис в болезни Кейтлин все-таки миновал, несмотря на отсутствие помощи и нечеловеческие условия содержания. Наступил момент, когда Кейтлин смогла доползти до выхода из пещеры и напиться из бегущего вдоль стены коридора ручья. Она понятия не имела, что Интеллект отвел эту воду специально для нее, перекрыв несколько заслонок дренаж-

ной системы.

Так или иначе, но она выжила, хотя стала похожей на маленький призрак. Первые несколько дней после болезни Интеллект почти не тревожил ее, давая прийти в себя и встать на ноги, хотя именно в этот момент ему как никогда нужен был Носитель.

После долгих кропотливых виртуальных поисков ему удалось обнаружить то место, где три миллиона лет назад находилось производство комплекующих его кристаллов и простейших механизмов периферии.

Пока девочка болела, Интеллект сделал еще одно открытие.

Сфера Дайсона, которая, как скорлупа, окружала тусклую красную звезду, была огромным объектом, невидимым для глаза, но зато очень заметным в инфракрасном и радиодиапазоне. Попросту говоря, ее было практически невозможно обнаружить при помощи оптических систем наблюдения, таких, как телескопы или умножители, но для инфракрасных сканеров и радиотелескопов она была ярким аномальным пятном, источником сильнейшего теплового и радиоизлучения.

Этот факт очень сильно тревожил кристаллический мозг. Его ненавистные двуногие оппоненты были экспансивной расой, для которой продвижение в глубь Галактики и захват новых территорий являлись обязательным условием существования.

Он был уверен, что поселение людей на равнине за болотом носило случайный характер. Основная часть человечества ничего не знала о Сфере, иначе тут уже давно все бы кишело этими двуногими существами. Заново просмотрев и проанализировав все собранные о людях сведения, Интеллект пришел к выводу, что колония на равнине возникла волей случая. Скорее всего космический корабль, потерпевший аварию или заблудившийся в бескрайних галактических просторах, не имел шансов вернуться, поэтому, наткнувшись на Сферу, двуногие и основали тут колонию.

Интеллект хотел знать о них все. Несмотря на свою ненависть к этим существам, он реально оценивал свои шансы на противостояние, которые в данный момент равнялись нулю.

Единственное, что он мог, – это издали наблюдать за поселением, вынашивая далеко идущие зловещие замыслы. Сфера больше не принадлежала ему; разоренная временем, обветшавшая, она стала своего рода нейтральной, ничейной территорией, потому что без Носителей он не мог контролировать даже ту пятикилометровую площадку, посреди которой находился. Все подчиненные ему механизмы были безвозвратно разрушены, связи оборваны, не было ни ресурсов, ни действующих производств... У него не было даже рук и способности самостоятельно передвигаться...

В распоряжении Интеллекта был единственный Носитель, три тысячи километров сохранившихся в окрестностях коммуникаций и еще два автономных шара, которым Кейтлин в

силу своей детской наивности моментально приклеила кличку «Глаза».

И еще у него была уйма времени и огромные вычислительные мощности.

Пока полумертвая Кейтлин лежала на полу холодной пещеры, он вызвал оба Глаза и поставил перед ними задачу. Один должен был обследовать населенную людьми равнину, а второй был отправлен на инспекционный облет Сферы с целью выявления повреждений и поиска уцелевших механизмов.

Этот второй Глаз и наткнулся спустя несколько суток на тот объект, что едва не стал поворотным пунктом в истории всего человечества.

Сфера Дайсона действительно являлась яркой аномалией для сканирующих систем, и ни один корабль не мог пролететь мимо этого циклопического сооружения. От полномасштабного вторжения людей ее уберегло лишь то обстоятельство, что экспансия человечества была направлена в противоположную сторону, от периферии спирального рукава Галактики к ее центру, а между сферой и человечеством в пространстве растеклась одна из пылевых туманностей, которая заслонила аномальный участок небосвода от пристального изучения.

Однако в период Слепых Прыжков Великого Исхода своевольная гиперсфера выбрасывала космические корабли людей, куда ей вздумается. Люди, познававшие законы гипер-

пространственных переходов на горьком опыте, порой оказывались в самых невероятных и неожиданных местах. Чаша сия не миновала и сферу Дайсона, чье внутреннее пространство могло вместить в себя орбиту Земли...

На этот раз таким кораблем-невозвращенцем оказался старинный межзвездный транспорт класса «Элизабет-сигма». Древний, построенный на стапелях Плутона более тысячи лет назад, он сиротливо возвышался на краю одной из гигантских платформ, которые были выведены на орбиту вокруг красного солнца еще создателями Интеллекта, чтобы с их помощью имитировать на внутренней поверхности сферы смену дня и ночи.

Теперь, три миллиона лет спустя, созданный ими кристаллический мозг со страстным вожделием созерцал огромный межзвездный транспорт, который мог стать отправной точкой для возрождения его могущества.

Оставалось дожидаться, пока ослабевший от болезни и усталости Носитель придет в себя и сможет вновь выполнять свои прямые обязанности.

Интеллект ждал. Его внутреннее время измерялось от наносекунд до бесконечности, в зависимости от обстоятельств. Он знал, что рано или поздно его замысел будет осуществлен.

«Иди и поддерживай связь со мной».

С таким напутствием Интеллект отправил Кейтлин в гиперпространственный тоннель, связанный с орбитальной платформой.

В первый момент, оказавшись после привычной пещеры под бескрайним фиолетовым небом без звезд, она испугалась. Багряный диск звезды пылал в зените, под ногами гулко вибрировали плиты бескрайней ровной плоскости, болтавшейся, по ее соображениям, где-то между небом и землей. Тут, на орбитальной платформе, как и в гиперпространственных тоннелях, была атмосфера, удерживаемая генераторами искусственного тяготения, но воздух был холоден, а дышать оказалось еще труднее, чем на высокогорье.

Кейтлин поперхнулась и зашлась долгим мучительным кашлем.

Впереди в сотне метров от нее, сверкая в лучах звезды огромными плоскостями крыльев, застыл изящный космический корабль, своими формами напоминавший морского ската.

– Поторопись, – подстегнул ее прозвучавший в голове голос Интеллекта.

Кейтлин разогнулась и послушно шагнула вперед, хотя против физических усилий протестовала каждая клеточка ее

измученного болезнью тела.

Она неуверенно двигалась, покачиваясь и спотыкаясь на ровном месте, а черная тень гигантского корабля ползла ей навстречу, пока не накрыла задыхающуюся девочку.

Звездного скитальца занесло сюда явно не добрым ветром. Это с расстояния в несколько километров он казался цельной изящной конструкцией с обтекаемыми формами. Ближе все выглядело уже не так красиво и благополучно.

Главный шлюз корабля был открыт, и в темную потрескавшуюся поверхность орбитальной плиты, которая миллионы лет назад была составлена из секций солнечных батарей, упирался покосившийся телескопический трап.

Кейтлин подошла к нему и задрала голову, разглядывая тяжелые, нависающие над ней выступы обшивки со встроенными в них обзорными блистерами.

За спиной девочки беззвучно парил Глаз – полуметровый шар с прозрачной оболочкой, внутри которой угадывалась такая же кристаллическая начинка, как и у Интеллекта.

– Обойди корабль по кругу, – услышала она мысленный приказ.

Кейтлин словно кукла послушно задвигала ногами.

По правому борту «Элизабет-сигмы» зияла безобразная пробоина с рваными, выдающимися наружу краями. Кейтлин подошла ближе, но заглянуть внутрь не смогла – даже привстав на цыпочки, она не доставала до ее нижнего края.

– Дальше, – нетерпеливо потребовал незримый голос.

Сзади, в районе кубических выступов ходовых секций, обшивка выглядела лучше. Тут даже сохранился синеватый глянец покрытия, лишь кое-где выщербленный крохотными кратерами от попадания микрометеоритов.

... Через полчаса изможденная девочка вернулась в район открытого шлюза и без сил присела на нижнюю ступеньку трапа.

– Внутрь, – потребовал Интеллект.

Кейтлин не шелохнулась. Она не могла идти дальше, и ей было все равно – последует наказание за этот немощный бунт или нет. К счастью, у кристаллического мозга оказалось достаточно здравомыслия. Дело ограничилось тем, что неотступно следовавший за ней Глаз подлетел ближе и стал светиться, интенсивно нагнетая в разум девочки волны расслабляющего тепла.

Через некоторое время она нашла в себе силы встать и сделать первый шаг по гулким ступеням трапа.

Внутренне содрогаясь от непонятного, почти мистического страха, она переступила порог шлюза, овальный контур которого окружала рябь черных точек, словно кто-то ковырял тут обшивку отточенным острием...

Сразу за переходным тамбуром начинался кольцевой коридор нижней палубы. Первые две двери вели в расположенные по обе стороны от шлюза блистерные купола. Автоматика не работала – в системах корабля не было ни одного эрга, но массивная плита, запирающая вход в правый

купол, неожиданно поддавшись слабому усилию десятилетней девочки. Жалобно скрипнув, она отъехала в сторону и остановилась, когда внутри переборки что-то затрещало. Кейтлин протиснулась в полуметровую щель и оказалась на пороге прозрачной полусферы, выступавшей за борт корабля.

В центре укрепленного гнутыми стальными балками каркаса полушария на дугообразном монорельсе было закреплено кресло, к нему подходили механизмы управления блистерной пушкой, счетверенные стволы которой торчали наружу.

Кейтлин, влекомая каким-то неодолимым патологическим любопытством, сделала шаг вперед. От входа она видела, что из-за спинки кресла торчит что-то похожее на человеческую макушку...

Громко закричав, она отшатнулась. В кресле, спеленатая полуистлевшими страховочными ремнями, сидела мумия...

Крик девочки затравленным эхом метнулся по тесному помещению блистера, и от этого колебания воздуха страшная мумифицированная фигура вдруг начала оползать, рассыпаясь в прах.

Она не помнила, как выскочила в темный кольцевой коридор. Светящийся Глаз резво следовал за ней, освещая дорогу обезумевшей от страха девочке, пока мнемонический окрик Интеллекта не привел ее в чувство...

Она вздрогнула. Глаз подлетел ближе и начал кружить у ее головы.

Затуманенный взгляд девочки постепенно прояснился. Ужас отступил. Она вновь вспомнила о том, что является Носителем.

В стенах коридора было достаточно дверей и указателей. «Главный двигатель», «Склад номер два», «Лаборатория кибернетических систем» – гласили ближайшие из надписей, снабженные выразительными стрелками, указывающими направление.

Однако Интеллект интересовало нечто другое. Он заставлял ее идти дальше и дальше по бесконечным коридорам и палубам корабля, следуя нанесенным на стенах указателям. Наконец она оказалась в криогенном зале. Десятки пустых низкотемпературных камер стояли ровными рядами. Колпаки большинства из них были откинута вверх, да и те, что могли содержать биологический груз, были темны как ночь – на корабле полностью отсутствовала энергия.

Интеллект хотел, чтобы она объяснила ему принцип низкотемпературного сна и то, как работают механизмы этого зала, но в этом случае Кейтлин оказалась бессильна ему помочь. Она попросту не знала этого.

Тогда он погнал ее дальше.

Она совершенно перестала воспринимать течение времени. Была только усталость, подкашивающиеся ноги и тупая головная боль. В одном из помещений она наткнулась на останки еще одного человека. На пластиковом столе, возле которого расположился прах, лежало несколько вакуумных

упаковок, сквозь мягкий пластик которых были видны ровно нарезанные квадратики хлеба. Глаза девочки внезапно расширились при виде содержимого пакетов, и она бросилась к столу, жадно схватив руками вакуумную упаковку. Ее зубы впились в податливый пластик, раздирая его.

Окрик Интеллекта заставил ее вздрогнуть и вобрать голову в плечи, но даже он оказался бессилем остановить голодного ребенка. Кейтлин ела, по-звериному озираясь и проглатывая жесткие куски галетной массы, почти не пережевывая.

Интеллект внезапно умолк. Он понял то, о чем даже не помышляла Кейтлин. Люди были очень опасными существами. Девочка не подчинилась ему не потому, что смертельно хотела есть, – нет, обычные концентрированные кубики, которыми когда-то питались Носители и производство которых он возобновил в первый же день своего пребывания тут, вполне удовлетворяли потребности ее организма в пище, просто с расстоянием ослабело его воздействие на нее. Она не хотела подчиняться!

В этот момент он понял, чем эти жестокие, безумные существа отличались от его народа. Они были невосприимчивы к внушению. Над ними нужен постоянный непосредственный контроль.

Это никак не устраивало Интеллект. Он чувствовал, что его план использования людей в качестве своего оружия, похоже, не выдерживал критики. Пока они находились рядом, все было хорошо, но теперь, глядя на поспешно дожевываю-

щую последние крохи Кейтлин, он понял, что стоит ей окончательно прийти в себя и само его существование будет поставлено под угрозу... Дикие, независимые и не признающие никакой власти звери...

Нет, он не должен использовать их в качестве Носителей. Но ведь должен же быть какой-то выход...

Интеллект задумался.

«Как управляется этот корабль?»

Кейтлин подняла голову к потолку, словно оттуда исходил звучащий в ее голове голос.

«Бортовой компьютер...» – мысленно ответила она на поставленный вопрос, совершенно не подозревая, что этой, по ее мнению, ничего не значащей, очевидной для любого ребенка информацией она в ту самую секунду изменила весь ход истории Сферы и населяющих ее существ.

– Найди его, – приказал Интеллект.

Девочка повиновалась.

За очередным ответвлением широкий коридор перегораживала вертикальная плита со сканирующей пластиной и аудиодатчиками. Она остановилась, равнодушно осматривая преграду. Путь в недра корабля был закрыт. Экипаж мог погибнуть или исчезнуть, но кибернетическая система еще много лет продолжала нести неусыпную вахту.

Ей были нужны пароли в виде отпечатков пальцев, узора глазной сетчатки и образцов голосовых команд. Иначе путь в святая святых, где располагались компьютерный центр, руб-

ка управления и оружейные палубы, был закрыт. Но зато в распоряжении Интеллекта были все бытовые отсеки, медицинский модуль и камбуз.

Несколько минут он тщательно размышлял над новой проблемой, пока не пришел к выводу, что остался только один способ достичь желаемой цели и Кейтлин никак не могла помочь ему в этом.

Он отправил девочку назад, а сам приступил к весьма рискованной операции.

* * *

Ситуация была знакома кристаллическому мозгу и чем-то напоминала его собственную. Из беспорядочных, подсознательных мыслей и образов, что он выловил из разума Кейтлин, Интеллект понял, что этот мертвый корабль, помимо людей, когда-то управлялся неким аналогом его самого. На человеческом языке это называлось – «компьютер».

Сейчас данный электронный механизм пребывал в том же состоянии, что и Интеллект в подледной пещере на Луне-17. Он был мертв по причине полного отсутствия энергии.

Интеллект решил исправить положение вещей.

По его приказу Глаз долго и скрупулезно исследовал корабль, передавая кристаллическому мозгу всю собранную визуальную информацию. Интеллект сравнивал ее с уже имеющимися в его памяти данными, в основном почерпну-

тыми из принятых им со спутника видеофильмов, и на основании сравнительного анализа делал выводы о предназначении того или иного агрегата на борту погибшего корабля.

Это была титаническая работа. Учитывая малую достоверность видеоинформации и ту бездну времени, что отделяла современный мир людей от найденного им артефакта, ему удалось опознать лишь очень немногие функциональные узлы «Элизабет-сигмы». Среди них были система энергоснабжения и порты ввода-вывода бортовой кибернетической системы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.